

# Священномученик Митрофан (Краснопольский), архиепископ Астраханский

Дни памяти

6 июля

14 июля (переходящая)

4 февраля (переходящая)

18 ноября



Священномученик Митрофан родился 22 октября 1869 года в слободе Алексеевка Бирюченского уезда Воронежской губернии в семье крестьянина Ивана Краснопольского и в крещении наречен был Димитрием. Мать будущего святителя, Анастасия Семеновна, была дочерью псаломщика, она окончила сельскую школу и по бедности семьи вскоре была выдана замуж за небогатого крестьянина. С горечью

она размышляла о трудности своего положения и, бывало, подолгу молилась Богу, чтобы Господь даровал ей сына и чтобы этот сын стал священником, надеясь, что материальное положение сына-священника поможет избавиться им от бедности. Господь услышал ее молитвы, но дал ей несравненно большее, в лице сына даровав не только относительное материальное благополучие, но неисчерпаемое богатство святости ее сына-мученика и молитвенника.

Первоначальное образование Дмитрий получил в сельской школе, а затем благодетель устроил его в Бирюченское духовное училище. Окончив училище в 1884 году, Дмитрий, как один из первых учеников, был принят в Воронежскую Духовную семинарию на казенный счет. Выходцу из крестьянской среды, ему здесь много пришлось претерпеть от своих одноклассников, чьи отцы были потомственными священнослужителями. Это обстоятельство сформировало у него характер несколько замкнутый. Но зато не брали его одноклассники и в общие забавы и шалости – и, таким образом, у него оставалось больше времени и сил на добросовестное усвоение наук; живя в бедности, он хорошо понимал, что хорошее образование является главным для него капиталом, способным в будущем обеспечить его социальное и материальное положение. Благочестивым же воспитанием в семье он вполне был приуготовлен на служение Богу и Его Святой Церкви. В 1890 году Дмитрий окончил Воронежскую Духовную семинарию, женился, и 4 ноября 1890 года епископ Воронежский и Задонский Анастасий (Добрадин), рукоположил его во диакона к Казанской церкви пригородной слободы города Коротояка Воронежской епархии. 8 мая 1892 года у супругов родился сын; 15 декабря того же года диакон Димитрий был перемещен служить в Преображенскую церковь слободы Матрено-Гезевой Бирюченского уезда, а 23 февраля 1893 года – в Троицкую церковь в селе Алексеевке<sup>[1]</sup>.

Здесь ему впервые пришлось столкнуться с тяжелым материальным положением в жизни сельского духовенства. Он вспоминал впоследствии, уже будучи епископом: «Мне никогда не забыть немногих, но глубоко запавших в мою душу слов, которые сказала мне одна женщина, когда я, только что сошедший со школьной скамьи и восприявший духовное служение, впервые должен был протянуть руку за тем хлебом, которым обычно благодарят во время визитации духовных отцов. Видя мое крайнее смущение, мою растерянность, видя, каким полымем стыда загорелось мое лицо, эта простая женщина сказала мне: “Что же ты, кормилец, бери, ведь тебе с этого жить надо”... Ее слова были проникнуты теплотой, сердечностью и сочувствием, но в них я услышал горькую истину, что духовенство, в том числе и я, ставший в ряды его, должно жить поборами»<sup>[2]</sup>. И однако оно было в то время в

несравненно лучше положении, нежели паства, которая могла рассчитывать тогда лишь на свои руки и Бога.

В это время свершилась над ним воля Божия – он овдовел, оставшись с сыном-младенцем; ребенка взяла на воспитание мать его почившей супруги, которая к тому времени овдовела и пожелала дать возможность отцу Димитрию, уже не связанному обязательствами семейными, с большей отдачей послужить Церкви Христовой. 13 сентября 1893 года диакон Димитрий был зачислен на казенный счет студентом Киевской Духовной академии на церковно-историческое отделение. 11 августа 1896 года он был пострижен в монашество с именем Митрофан, а 15 июня 1897 года ректор Киевской Духовной академии, епископ Каневский Сильвестр (Малеванский), в церкви Киево-Братского монастыря рукоположил его во иеромонаха<sup>[3]</sup>. 30 июня того же года иеромонах Митрофан окончил академию со степенью кандидата богословия, которую получил за работу «Аскетика святого Василия Великого».

16 ноября 1897 года иеромонах Митрофан был назначен инспектором Иркутской Духовной семинарии, в 1898 году – членом Иркутского Комитета Православного Миссионерского общества, Епархиального училищного совета и исполняющим должность ректора семинарии. 6 мая 1900 года он был награжден наперсным крестом<sup>[4]</sup>. 25 января 1902 года отец Митрофан был назначен ректором Могилевской Духовной семинарии и 2 февраля возведен в сан архимандрита<sup>[5]</sup>. Это было трудное послушание в тяжелое смутное время, так как повсюду, не исключая духовных учебных заведений, поднималась смута, переходившая в иных местах в прямые мятежи, иногда заканчивавшиеся преступлениями. Обращаясь к студентам семинарии перед панихидой по убитому в 1902 году министру внутренних дел Сипягину, отец Митрофан сказал: «Внутри нашего Отечества, среди передовых его членов, среди так именуемой интеллигенции замечается брожение, неустойчивость, шатание. Вот уже второй год русская учащая молодежь, наша надежда, в которой залог будущего нашего преуспевания, волнуется, мятется, сама ясно не сознавая, чего она ищет, к чему стремится. Дело началось заявлением неудовольствия на современный строй учебно-воспитательных институтов, желанием реформировать их якобы совершенно отживший быт, а теперь, как видите, завершается кровавыми преступлениями, не свойственными, противными мирному научному интересу»<sup>[6]</sup>.

С 1903-го по 1907 год архимандрит Митрофан состоял цензором проповедей, произносимых в могилевском кафедральном соборе; с 1905-го по 1907 год – наблюдателем за преподаванием Закона Божия в средних и низших светских учебных заведениях города Могилева и благочинным

Могилево-Братского монастыря<sup>[7]</sup>. Он стал активным деятелем Могилевского Богоявленского братства, много сделавшего для сохранения православия в то время, когда Белоруссия была отторгнута от России. Теперь же православие подстерегала еще большая опасность – теплохладность самих православных.

«Еще большую опасность для чистоты веры представляют люди, которые по наружности остаются якобы чадами Церкви, но крайне индифферентны ко всем ее установлениям, – писал отец Митрофан. – Своими легкомысленными суждениями, рассчитанными на потворство страстям, они вносят внутреннее разложение в нравственный строй жизни христиан и незаметно понижают его. Из этого лагеря раздаются голоса против строгости церковной дисциплины, продолжительности богослужений и т.п. Поток их разрушительных действий может быть остановлен только тесным единением нравственных чад между собой и совместными их усилиями, направленными на борьбу с противниками Церкви и ее установлений»<sup>[8]</sup>.

Беспокоил его, как активного деятеля на поприще просвещения, и общий упадок образования; происходило это оттого, как он думал, что образование стало цениться не само по себе как таковое, а только в связи с обеспеченными им материальными благами и социальным положением в обществе. «Чем, как не таким отношением к школе и образованию, – писал отец Митрофан, – нужно объяснить ту страстную погоню за аттестатами, которая ведется у нас от средних учебных заведений до высших включительно и при какой забываются подчас самые элементарные требования порядочности»<sup>[9]</sup>. Это явление пагубно сказывалось как на самих учащих, в самом начале жизни превращавшихся в отчаянных корыстолюбцев и карьеристов, для которых и наука, и интересы страны, и интересы ближнего становились всего лишь средствами на пути к собственному благополучию, но еще более пагубные последствия оно имело для всего народа, лишавшегося доброй совести ученых, учителей, врачей и государственных деятелей. Поскольку Могилевская епархия изобиловала в то время инославными, иноверцами и сектантами, епископ Могилевский Стефан (Архангельский) 9 апреля 1906 года обратился к Святейшему Синоду с просьбой: учредить в Могилевской епархии викариатство, хиротонисав такого викарного епископа, который взял бы на себя миссионерские обязанности. Но Синод отказал ему в этом, 9 августа того же года отписав, что за неимением средств викариатство не может быть открыто, но, если епархия сама изыщет средства для содержания викарного епископа, Синод возражать не будет. В это время епархиальный миссионер пожелал перейти на должность преподавателя Могилевской Духовной семинарии, а настоятель Могилево-Братского монастыря

согласился перейти в другую обитель, и таким образом открывалась возможность покрыть часть расходов на содержание викарного епископа. Для покрытия недостающей суммы епископ Стефан обратился к монастырям епархии с просьбой о пожертвованиях. 18 декабря 1906 года он вновь послал прошение в Синод о создании викариатства и о назначении к нему викарием архимандрита Митрофана (Краснопольского).

25 января 1907 года «в Могилевской епархии на местные средства»<sup>[10]</sup> была учреждена кафедра Гомельского викарного епископа «с возложением на него управления Могилево-Братским монастырем на правах настоятеля»<sup>[11]</sup>. 10 февраля 1907 года в Санкт-Петербурге состоялось наречение архимандрита Митрофана во епископа Гомельского, и на следующий день в Троицком соборе Александро-Невской Лавры он был хиротонисан во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии<sup>[12]</sup>.

Вручая новопоставленному епископу архиерейский жезл, епископ Стефан сказал: «Дух тьмы воздвиг против Церкви Христовой и врагов внутренних из самих недр Церкви. – Это все более и более распространяющееся неверие нашей интеллигенции. Это антихристианский дух в науке, искусствах, печати, законодательстве и направлении культуры. Это так называемое неохристианство, а в действительности новое, на христианской почве, язычество с его неизбежным и отвратительным культом плоти. Это явившееся в наше смутное время политического брожения так называемое церковное обновленчество. – Вот враги Церкви внутренние, подкапывающиеся под самые ее основы. К глубокому прискорбию, в число их стали некоторые служители Церкви и богословской науки и готовы продать свою Матерь – Православную Церковь протестантству и масонству, если не за сребреники иудины, то за чечевичную похлебку – суетную славу людей передовых и прогрессивных. Яд отравы своих церковно-анархических писаний они разливают по всей Православной Руси, стараясь заразить им не только верных сынов Православной Церкви, но, если возможно, и самих пастырей и готовящееся к служению Церкви наше юношество. О, Иудина предательства! Воистину домашний внутренний враг сей еще опаснее внешних врагов! Ввиду такого-то именно положения пастырей Церкви, как агнцев среди волков, ты и призываешься теперь на совместную со мной апостольскую стражу в Церкви Могилевской... Пойдем же вместе на то делание, которое доселе я совершал один»<sup>[13]</sup>. Хиротонисанный во епископа, владыка Митрофан энергично принялся за организацию миссионерской деятельности. В январе 1908 года он пригласил духовенство Гомельского уезда на совещание по делам миссии, где было принято решение о создании в Гомеле миссионерских

курсов и «разработана как внешняя, так и внутренняя сторона организации курсов»<sup>[14]</sup>. 11 февраля 1908 года владыка был включен в состав учрежденного при Святейшем Синоде Особого совещания для разработки мер к наилучшему устройению внутренней и внешней миссии и к оживлению ее деятельности.

Осенью 1907 года епископ Митрофан был избран членом Государственной Думы третьего созыва и участвовал в ее работе до 1912 года. Это было тяжелое для России и для него лично время, когда беспорядочный парламентаризм, показывая всю бесплодность своей суетливой деятельности, уже становился орудием уничтожения России. Любые вопросы в парламенте – был ли это вопрос о гибели народа от пьянства или вопрос о светском образовании, целенаправленно развращавшем народ, не вкушивший еще вполне горьких плодов языческого просвещения, – все обращались против русского народа. Как ни положи этот парламентский «рог», он всегда станет так, что русскому народу не быть. Причем в случае с народным пьянством и государственные чиновники, и члены Государственной Думы действовали вполне единомысленно: средство массового самоубийства народа – спиртные напитки – становилось средством пополнения казны, обеспечивающей в первую очередь их самих. Все были настолько зачарованы псевдоэкономическими рассуждениями, что, находясь в этой среде, даже христианский епископ, для которого нравственные христианские идеалы должны быть превыше всего, им поддался. На одном из заседаний Думы епископ Митрофан заявил: «Нужно оздоровить, нравственно поднять народ, и тогда, несомненно, борьба с пьянством станет на правильный и рациональный путь. За постепенность говорит и соображение другого характера. Несомненно... что при всем нашем желании мы не можем выключить из государственного бюджета 480 миллионов рублей, которые получают от продажи напитков»<sup>[15]</sup>.

Через несколько месяцев, однако, увидев подлинные размеры бедствия и прямой злой умысел некоторых членов Государственной Думы, он выступил более решительно против законов, способствующих распространению пьянства. «Я не назову здоровой ту финансовую систему, – заявил он, – которая покоится на основаниях, которые при практическом осуществлении приводят нацию к обессилению нравственному и физическому. Идя этим путем, такая система подкапывается под самые основы и корни того организма, которым она питается. И неизбежно наступит пора, когда обессиленный народный организм окажется совершенно неплатежеспособным. Поэтому нужно вовремя остановиться и признать, что доход от водки вреден, и правительство в собственных интересах должно отказаться от доходов от

спиртных напитков, хотя, быть может, и не сразу, а постепенно, по мере того как будут изысканы новые источники пополнения той брешы, которая произойдет при проведении радикальных мер борьбы с пьянством»<sup>[16]</sup>.

29 января 1909 года епископ Митрофан был избран почетным членом Общества Первой Российской Сергиевской школы трезвости<sup>[17]</sup>. В проповеди в ближайшее воскресенье после праздника Крещения Господня в 1910 году он выразился уже значительно решительней против губительного порока пьянства. «В настоящей беседе с вами, – сказал владыка, – я хочу коснуться одного такого зла, которое все признают, которое пустило громадные корни в жизни народной, но с которым мало или почти не хотят бороться. Нисколько не опасаясь быть обвиненным в преувеличении, я смело скажу, что наиболее распространенным в наше время пороком является пьянство. Об этом красноречиво говорит та колоссальная сумма (до восьмисот миллионов рублей), которая ежегодно пропивается в России. Пьянство делается у нас повальным. Пьют старики, пьют молодые, пьют мужчины, пьют женщины и девицы. С ужасом узнаем, что оно распространяется и в школе среди малолетних детей, где громадный процент детей отведали вина, а некоторые знают уже состояние охмеления. И не думайте, что это отдельные, немногие примеры. В Московской, например, губернии, по данным школьной статистики, в 10-летнем периоде насчитывалось до 70 % мальчиков и до 40 % девочек, знакомых уже с вином... В большинстве учителями детей в этом скверном деле были сами родители. Можно ли дальше идти по пути соблазна сих малых и каких последствий от сего ожидать? И сейчас самое поверхностное наблюдение говорит о хилости и все более увеличивающейся общей дряблости населения, о громадном понижении его интеллектуальных способностей и изумительном росте преступлений, сопровождающихся потерей моральной чувствительности... Теперь стала общепризнанной в науке истина, что алкоголь действует губительно не только на потребителя, но отражается и на потомстве его. Громадное количество душевнобольных, неврастеников, идиотов, эпилептиков происходит на почве отравления родителей пьянством...»<sup>[18]</sup>

С 29 мая 1911 года епископ Митрофан стал почетным членом Камчатского Православного Братства, с 21 июля – товарищем Председателя Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом<sup>[19]</sup>.

Такая же проблема была и с думскими инициативами, направленными на поддержание процесса разрушения национального образования: образование за допетровской Россией отрицалось как таковое, а в послепетровской оно стало целиком западным,

направленным на приобретение узких, специальных знаний. Но если на Западе такой характер приобретения знаний имел свое оправдание и свои мотивы, так как они давали человеку возможность завоевать социальную площадку для своего индивидуального земного существования и проложить дорогу к личному благополучию и успеху, а для всей западной культуры – к технологическому прогрессу, то для русского человека оно почти не имело смысла, так как совершенно не удовлетворяло его нравственных запросов; приобретенное таким образом знание приводило не к обогащению человека, а к его нравственному одичанию, ибо из системы образования выбрасывалось главное – религиозное мировоззрение как система представлений о мироздании, месте в нем человека и оценка земной деятельности человека, его поступков и взаимоотношений людей с точки зрения законов религиозно-нравственных.

Увидев воочию жестокою, полную лжи и коварства борьбу думских деятелей, направленную на разрушение народного образования и нравственных начал, владыка в одной из своих проповедей, с возмущением передавая свое впечатление от так называемой работы думских деятелей, сказал: «На развитие же духа, на закладку прочного фундамента для образования на нем цельного мирозерцания почти не обращается внимания. Что же касается вопросов веры, спасения, то они или в лучшем случае замалчиваются, или на них смотрят с нескрываемой досадой, нетерпением, как на что-то такое, что только отнимает у юношей время, дорогое и нужное для иных целей или знаний, на самом деле подчас пустых и ничтожных с точки зрения серьезного человека, но выдвигаемых модой, требованиями момента... Кому не приходилось видеть такой семьи, где уже открыто совершается глубокая трагедия разделения на два лагеря представителей старшего поколения и младшего, одних – борющихся за свои святые убеждения, всем своим существом не желающих усвоить грубый материалистический взгляд на предметы высокого для них почитания, а других – нагло глумящихся над проявлениями религиозности и набожности и почитающих великою честью для себя считать своим родоначальником обезьяну. И если прежде такой грубый материализм находил для себя последователей главным образом из среды питомцев высшей школы, то теперь является большая опасность, что он пойдет дальше и даже может проникнуть в школу начальную, в среду простого верующего народа. По крайней мере, все чаще и чаще раздаются голоса... что на уроки Закона Божия в школе уделяется слишком много времени... Не нужно быть пророком, а только не забывать уроков соседних западных государств, чтобы знать, что дальнейшим шагом в этом направлении будет полное удаление Закона Божия из круга преподаваемых в школе предметов. К такому концу

неизбежно приведет нас путь подражания, если мы будем последовательны и не остановимся хотя на краю гибели»<sup>[20]</sup>. Будучи в 1912 году членом Государственной Думы, епископ Митрофан взял на себя безблагодатную роль поступить не по совести, а по должности, как понимал он свои обязанности, и публично защитить неправомерное решение о смещении с кафедры епископа Саратовского Гермогена (Долганева) и высылке его в Жировицкий монастырь, произнеся по этому поводу довольно путаную и противоречивую речь, в которой старался убедить слушателей, что между выступлением епископа Гермогена против Распутина и его ссылкой в Жировицы нет никакой связи, что виновником происшедшего является сам епископ Гермоген, так как епископ «должен был молчаливо... с достоинством уйти и предоставить времени исправить то его положение, в которое он ведь не без вины своей попал»<sup>[21]</sup>.

Обер-прокурор Саблер, которого главным образом и касалась эта защита, отблагодарил епископа. 26 февраля 1912 года он писал великому князю Константину Константиновичу: «Поручение о желательности перемещения епископа Митрофана исполню. Отцы члены Святейшего Синода относятся к нему с полным сочувствием. При обсуждении в будущем вопросов до замещения освобождающихся кафедр относящихся имя Преосвященного не предлежит забвению»<sup>[22]</sup>.

3 ноября 1912 года владыка Митрофан был назначен на самостоятельную кафедру – епископом Минским и Туровским<sup>[23]</sup>. Прощаясь с Гомельской паствой, владыка сказал: «Первоначально... у меня было твердое намерение поселиться здесь, в Гомеле, но возложение на меня общественных обязанностей, которые также не должны быть чужды пастырю Церкви, не позволило осуществлению моего первоначального плана – и я должен был ограничиваться только временными приездами к вам; тем не менее, я успел обзреть все церкви моей паствы, за исключением четырех, но зато некоторые посетил по два и по три раза и всюду поучал слову Божию. Искренне говорю, что я с величайшим удовольствием и радостью устремлялся сюда всякий раз, когда освобождался от занятий в Государственной Думе, – и после тяжелых думских занятий всегда находил среди вас отдых; всегда вы, и в особенности сельское население, встречало меня с приветливым радушием, ласкою и любовью, что меня радовало и успокаивало. Приношу сердечную мою благодарность всем вам за ваше радушие, за вашу любовь ко мне и прошу прощения, если я не выполнял свой архипастырский долг так, как следовало бы; прошу прощения, если я, быть может, невольным словом обидел кого из вас; прошу прощения, если я неожиданным и нечаянным своим приездом причинил кому-либо из вас беспокойство и неприятность. В свою очередь и сам прощаю всех,

вольно или невольно прегрешивших против меня»<sup>[24]</sup>.

4 марта 1913 года владыка был избран пожизненным членом постоянной Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здоровья в городе Санкт-Петербурге Императорского Палестинского Общества<sup>[25]</sup>, а 3 мая того же года – членом Управления и отдела общества Красного Креста в городе Минске<sup>[26]</sup>.

Прибыв на новое место служения, епископ Митрофан сразу же приступил к ознакомлению с жизнью епархии. Отслужив литургию в соборе в городе Мозыре, владыка «произнес слово, посвященное изображению жизни и трудов святого благоверного и великого князя Александра Невского. Напомнив слушателям исторические заслуги великого князя для России, владыка в лице его указал высокий пример деятельного служения христианина своему Отечеству. “Такой пример не единичен, – сказал он. – Из всех званий и состояний русского общества на протяжении веков выходили великие граждане-патриоты. Много народолюбцев дали России и служители Церкви и алтаря Господня, как например святители Петр, Алексей и Иона и другие, как великий молитвенник земли русской преподобный Сергей Радонежский. Но то, в чем не сомневались старые русские люди, что для них было свято и непререкаемо, то в наши дни осуждается и похуляется как нечто устарелое и отжившее свой век. Любовь к Отечеству и родному народу, которая была источником героизма предков наших, считается теперь слабостью и предрассудком. На смену ее должно быть другое чувство и другое отношение к людям, определенно указываемое этим словом “космополитизм”. Любовь ко всему человечеству без различия, любовь, не знающая никаких религиозных и национальных ограничений, – вот что должно отличать современного просвещенного человека. Но сколько фальши и лицемерия слышится в этом учении! Можно ли обладать целым, не обладая частью? Можно ли любить человечество, не любя тех, кто нуждается во мне, кто смотрит на меня как на своего близкого, родного? Нет, кто, по слову Апостола, присных своих отвергся, тот хуже неверного [1Тим.5,8]. Как не любить христианину своего народа, когда он имеет высочайший пример этой любви в лице Господа, Который оплакивал гибель Своего народа и священного города Иерусалима?»<sup>[27]</sup>.

Памятуя, какое значение имели некогда братства в Западном крае, владыка по приезде в Минск попытался максимально активизировать их деятельность, и в октябре 1913 года состоялся съезд членов братств. Заседания были открыты словом епископа Митрофана о важности почитания местных святых и местных святынь Минской епархии. «Наш долг, – сказал владыка, – прославлять тех, которые отдали все свои силы

на пользу нашего края. Мы имеем великое утешение считать Минскую кафедру одною из древнейших. Кафедра Туровская получила начало еще при Владимире святом, и мы имеем великих святителей, которые подвизались в этом городе и после своей смерти ходатайствуют за нас – святителей Кирилла и Лаврентия Туровских. Имена их должны быть хорошо нам известны. Несмотря на это, эти угодники Божии у нас особого прославления не получили. Каждый край имеет своих местных святых, и каждый край воздает им должное почитание: изображения их имеются в каждом доме, имена их с любовью даются новорожденным, в честь их воздвигаются храмы. В нашей же Минской епархии имена Кирилла и Лаврентия очень редки, нет их изображений, не говоря уже о храмах. В честь святителя Кирилла посвящен только один храм, а посвящен ли в честь святителя Лаврентия хоть один храм – не знаю. Нужно позаботиться о восстановлении памяти этих святителей во всем величии. Это, конечно, могло бы быть сделано посредством епископского циркуляра, но я отложил этот вопрос до нашего братского съезда, ибо циркуляр может достигнуть силы и цели лишь тогда, когда находит для себя отзвук в общем сознании...

Кроме святителей Кирилла и Лаврентия, епископов Туровских, у нас есть мученик – Гавриил Слуцкий. Святых останков епископа Кирилла мы не имеем. Предание говорит, что мощи его сокрыты были от врагов, набегам которых подвергалось Туровское княжество; мощи же святителя Лаврентия почивают в городе Киеве. Глубокий старец, пострижник Киевской Лавры, епископ Лаврентий тяготел к Киеву... Мощи... младенца Гавриила, умученного от иудеев, пребывают у нас в Слуцком монастыре, но, кажется, особого почитания не получают, хотя русский народ вообще любит ходить на поклонение святыням. Но как почтить нам своих святых? – Нужно, по крайней мере, иметь их изображения. И вот я решил собрать всех наших местных святых в общую икону: изобразить на ней святителей Кирилла и Лаврентия и младенца Гавриила, а сверху, над ними, поместить изображение нашей местной Минской иконы Божией Матери. Такая икона должна бы получить самое широкое распространение в местном крае»<sup>[28]</sup>. Съезд решил выделить особо день празднования памяти младенца Гавриила – 20 апреля и к этому дню устроить паломничество в город Слуцк – к мощам мученика.

Члены съезда обсудили и приняли решение по множеству насущных вопросов, таких как вопрос о смешанных браках и мерах по укреплению православно-русского сознания, о народном просвещении, о крещении погружением, об обществах трезвости. Последним обсуждаемым вопросом был вопрос о таком новоявленном зле, как широко распространившееся тогда хулиганство. «Это – бунт против

всего нравственного, чистого и хорошего и стоит в тесной связи с революцией, – заявил владыка. – Какие мы можем принять меры? Мне кажется, что мы своими средствами бороться не можем. В нашем распоряжении имеется доброе слово убеждения; но хулиганы церквей и школ не посещают, в собраниях наших не бывают. Где же мы им будем говорить и усовещивать? Мы должны возложить борьбу с этим злом на правительство, но не будем братья за дело, нам непосильное»<sup>[29]</sup>. Проблемой была тогда и малая осведомленность православных об истории Западно-Русского края, и епископ Митрофан «12 января 1914 года в зале Дворянского депутатского собрания прочел лекцию о положении русских в Галицкой и Угорской Руси в связи с историей этого края»<sup>[30]</sup>. Коснувшись положения православных русских в начале XX века в правление венгров, владыка рассказал, как сестра православного миссионера иеромонаха Алексия (Кабалюка)<sup>[a]</sup> «собрала около себя группу девственниц-христианок и устроила нечто вроде первобытного монастыря в горах, вдали от населенных мест. Об этом узнала полиция, нагрянули жандармы. Девушек загнали, избивая нагайками, в реку, на которой уже застывал лед, и продержали там несколько часов. Большая часть их не выдержала этой пытки и погибла. Мужчин, подозреваемых в распространении православия, подвергают настоящим пыткам: подвешивают к дереву за руки и за ноги и оставляют в таком положении на долгое время. Через час-полтора у таких мучеников струями льется кровь из ушей, рта, носа; некоторые выдерживают такую пытку, но большинство умирает. У галицких крестьян есть даже специальное название “мучилищное древо”...»<sup>[31]</sup>.

Во время начавшейся в 1914 году Первой мировой войны владыка принял активное участие в организации госпиталей и собирании пожертвований для солдат. Видя, что ужас мировой войны не доходит до многих очерствелых сердец, даже женщин, он обратился с увещанием, направленным против употребления роскоши в одежде. «Дорогие соотечественницы! – писал он. – Мы... чувствуем на себе, как под влиянием суровых условий войны изменяются... нормы нашей жизни, приостанавливаются законы и суды, возникают новые запросы и интересы. Так неужели же мы не в состоянии будем, хотя временно, преобладать одних только законов моды и если не разрушить их, то хотя приостановить их действие, чтобы своей расточительностью не отягощать и без того тяжелого положения страны, чтобы снять с себя справедливые упреки в отсутствии серьезности и правильного понимания своего долга, чтобы, наконец, не потерять уважения окружающих, а главное, своих дорогих защитников и героев? Разорвем же хотя на время те путы, которыми давно связано наше общество. Возвратимся к простоте в одеждах и сосредоточим все

внимание на внутренних переживаниях. “Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом” (1Пет.3:3-4)»<sup>[32]</sup>. 1 июля 1916 года Святейший Синод назначил Преосвященного Митрофана епископом Астраханским и Енотаевским. 24 июля состоялось прощание владыки с Минской паствой. Для многих перемещение его на другую кафедру во время войны виделось неоправданным и непонятым, и некоторые стали высказывать предположения, уж не искал ли нового места подальше от тревожных военных действий и разоренной войной епархии сам владыка, и епископ вынужден был, прощаясь с паствой, сказать: «Нет, видит Бог, я не искал этого перемещения, готов и впредь разделять скорби и болезни моих бывших духовных чад и не без сожаления расстаюсь с Минской епархией, которую хорошо изучил и полюбил. С другой стороны, я не склонен доискиваться тех побуждений, которые были причиной моего перемещения в Астрахань, так как привык во всех случаях своей жизни вверять себя Промыслу Божию, который назирает земной жребий человека и предустраивает все к нашему общему благу и спасению»<sup>[33]</sup>.

В ответном слове священник кафедрального собора, протоиерей Димитрий Павский<sup>[b]</sup>, сказал: «Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко! В настоящие прощальные минуты расставания с тобою, как своим бывшим архипастырем, душа окружавшего тебя минского духовенства полна самых разнообразных переживаний и чувств... Известие о перемещении тебя на далекую Астраханскую кафедру поразило нас всех, подобно грому с безоблачного небесного свода. Так оно было для нас неожиданно и непонятно. Еще живы и ясны у нас впечатления от встречи тебя при вступлении на Минскую кафедру. Ты окормлял Минскую епархию менее четырех лет. Ты покидаешь ее в тот момент, когда должен был приняться за планомерную созидательную работу, – в самое тяжелое для нее время, когда жестокий враг вторгся в ее пределы. Ты сумел поддержать нормальный строй церковной жизни в Минской епархии до конца своего пребывания в ней...

За короткое сравнительно свое святительство на Минской кафедре ты всколыхнул для деятельности все подведомственные тебе силы. Ты весь был в заботах и трудах по поднятию приходской жизни, усилению... производительности разных епархиальных учреждений, по улучшению быта духовно-учебных заведений и широкому развитию церковно-школьного дела, при этом все эти заботы и труды явственно были проникнуты стремлением поддержать престиж православия и укрепить в своей пастве русские национальные начала. Ты посетил большинство

приходов епархии, из которых много отдаленных и захолустных... Ты поставил на должную высоту почитание местных святынь, оживил среди пасомых память небесных покровителей епархии святых святителей Туровских Кирилла и Лаврентия, а также святого младенца Гавриила. Твоими хлопотами во всех храмах епархии появились иконы этих святых...

Не менее кипуча и разнообразна была твоя работа и во дни разбушевавшейся военной бури. Ты принял все посильные меры, чтобы облегчить печальное положение своей паствы. Не прекращая своих поездок по епархии, ты призывал всюду паству к терпеливому перенесению невзгод военного времени. Для оказания материальной помощи ей привлекал действующие благотворительные государственные организации. Семьи призванных в ряды армии и беженцы получили при тебе щедрую материальную помощь кроме того и из... епархиальных источников в виде разного пособия, устройства убежищ и приютов. Не забыты были тобою в это время и наши доблестные защитники Родины. Совершая... поездки к фронту наших войск, ты любил воодушевлять их своим красноречивым словом на подвиги ратные. Для раненых воинов ты открыл свои епархиальные лазареты. Число посещенных тобою лазаретов в целях преподания утешения страждущим воинам насчитывается многими десятками... Признаемся, что на первых порах трудно было нам привыкать к тебе, исполненному широкой инициативы, неистощимой энергии и чрезвычайной работоспособности при незнании твоего характера и нрава. Но с течением времени мы привыкли к твоим требованиям, узнали, что под суровой наружностью твоею таится чисто русская душа с идейностью, добрым сердцем, прямою, правдивостью и твердостью»<sup>[34]</sup>.

Затем к владыке обратился со словом настоятель минской привокзальной церкви во имя Казанской иконы Божией Матери священник Владимир Хираско<sup>[c]</sup>. «Ваше святительское благословение, – сказал он, – почивает на нашем величественном храме, в котором Вы же первый принесли Господу Богу первую бескровную жертву о создателях и прихожанах сего святого храма. Вы благословили и сами же возглавили первый, так успешно привившийся в городе Минске трезвенный крестный ход, завершившийся освящением первого вагона трезвости. Вашими молитвами обвеян и согрет добрый христианский патриотический порыв железнодорожных служащих, побудивший их открыть лазарет для наших доблестных защитников. Вы ни разу не отказали прихожанам в величайшем для них духовном наслаждении – в торжественном архиерейском богослужении... А в тяжкую годину жизни нашего города, когда ему стала угрожать серьезная опасность от врага,

Вы подъяли на себя труд совершить именно в нашем храме общественное моление, вызвавшее у богомольцев прилив бодрости и новых сил и к терпеливому перенесению невзгод военного времени и к честному, стойкому исполнению своего патриотического долга»<sup>[35]</sup>. Прибыв в Астрахань, владыка Митрофан начал знакомиться с приходами епархии и в первую очередь с миссионерской деятельностью, поскольку на территории губернии жили тысячи калмыков-идолопоклонников и киргизов-магометан. В сентябре 1916 года епископ Митрофан объехал Калмыцкую степь, посетив самые отдаленные приходы. Как и на Минской кафедре, в Астрахани он оказывал особенное внимание учебным заведениям; 5 ноября 1916 года он посетил городское реальное училище и присутствовал на уроках Закона Божия. Во время большой перемены он сказал ученикам: «Современное образование, несмотря на плоды, которые оно приносит учащимся в жизни, не может одно сделать нас истинным человеком, – необходимо воспитание религиозное и нравственное, средством к чему являются уроки Закона Божия»<sup>[36]</sup>.

23 ноября 1916 года после литургии владыка обратился к присутствующим со словом «об усилившейся, несмотря на тяжелые обстоятельства, переживаемые нашим Отечеством, безнравственности современного общества, о его увеселениях, растлевающих нравственность. Владыка обратил внимание на кинематографы, безнравственно влияющие на народ, о том, что увеселения там совершаются даже под праздники, допускаются дети, соблазняющиеся там различными безнравственными картинками. И все это в такое время, когда нужны усиленные работы и заботы наши о благе воюющих наших доблестных защитников, а не увеселения и увлечения разными удовольствиями. Владыка указывал на то, что допущением на увеселения детей мы... как соблазнитель малых сих, навлекаем на себя гнев Божий»<sup>[37]</sup>.

10 января 1917 года состоялось открытие миссионерских курсов в селе Пришибе Царевского уезда, на котором присутствовал епископ Митрофан, инициатор и вдохновитель этого дела. Целью курсов было дать каждому православному представление о вероучении, чтобы при столкновении с сектантами любых толков они могли дать отчет о своем уповании и разъяснить сектанту его заблуждения, чтобы «православные не оставались безответными перед сектантами, как это часто приходится наблюдать вследствие безразличного и подчас холодного отношения к сознательному научению истинам Православной Церкви»<sup>[38]</sup>. 4 декабря 1916 года в Астрахани состоялось собрание членов Астраханской народной монархической партии, которое постановило отправить Императрице Александре Федоровне телеграмму с

выражением поддержки. На следующий день она ответила телеграммой: «Твердо верю, Господь поможет искоренить врага. Горячо благодарю за чувства ваши и любовь ко мне»<sup>[39]</sup>.

В ответ на эту телеграмму епископ Митрофан обратился с посланием к пастве, что стало одновременно поводом обнародовать и саму телеграмму, и защитить репутацию Императрицы, которую пресса подвергала злостным поношениям и клевете. «Война – дело переменчивое, – писал он, – и пока врагу не нанесен окончательный сокрушительный удар, она имеет свои удачи и неудачи и всегда несет великие испытания и лишения для воюющих. На этих-то неизбежных испытаниях и переживаемых страданиях Родины внутренние враги, подталкиваемые врагами внешними, не побоялись, не постыдились построить свою разрушительную работу, распуская различные злонамеренно вымышленные слухи, подозрения и сомнения... Дорогие соотечественники! Ныне, как всегда в години общественных невзгод и потрясений, взоры наши с надеждой и мольбой обращаются к тому, кому Богом вручены судьбы нашего Отечества. Царь, взывают верные сыны Отечества, уйми клеветников, обуздай злоречивые языки, верни стране спокойствие и уверенность, которые в настоящее время нужней чем когда-либо, иначе мы сыграем на руку врагам... В годину испытаний и страданий тесней сплотимся около Царя и Трона, наших исторических, заветных святынь. В них наша опора и защита...»<sup>[40]</sup>

Однако, случилось худшее. Несмотря на все предупреждения, вопреки здравому смыслу и законам Российской империи, царь в разгар войны в марте 1917 года отказался от власти, отрекся от трона, поддержанный в этом безумном решении своими ближайшими помощниками – военачальниками, которых сам в свое время и выдвинул, и таким образом своею единоличную властью совершил государственный переворот, завершив период правления в России абсолютистской монархии европейского образца, насажденной Императором Петром I. Для многих, не вдумывавшихся в историю России и посему не понимавших причин тяжелой болезни, приведшей социальный организм к государственному краху, это явилось большим потрясением. Монархист по убеждению, епископ Митрофан переживал эти события смятенно и тяжело.

8 марта 1917 года астраханское духовенство на экстренном заседании постановило послать приветственную телеграмму одному из участников государственного переворота, председателю Государственной Думы Родзянко. Владыка «отказался дать свою подпись к телеграмме»<sup>[41]</sup>. Но как ни прискорбно это было, в силу переворота, совершенного самой властью, после официального оглашения актов

отречения Императора Николая II и его брата, великого князя Михаила, от 2-го и 3 марта 1917 года, епископу ничего не оставалось делать, как обратиться со словом к Астраханской пастве. «...Прочитанными актами установлено новое правительство в России, и обязанность всех граждан повиноваться ему, так как “несть власть, аще не от Бога, и сущия власти от Бога учинены суть” (Рим.13,1). Новое правительство принимает на себя великую и ответственную перед народом задачу – обновить и улучшить все стороны государственной жизни, и потому в настоящий момент всякие сопротивления и волнения преступны и могут клониться ко вреду дорогой Родины. Настоящее время – особенное время, когда льется русская кровь за благо Родины, и обязанность каждого – трудиться и работать на благо Отечества, чтобы общими силами победить нашего кровожадного врага – немца и привести войну к победоносному концу...»<sup>[42]</sup>

10 марта городское собрание духовенства обнародовало воззвание к населению Астрахани, в котором приветствовался свершившийся переворот. «Сегодня великий всероссийский праздник свободы. Разделяя чувства, одушевляющие в этот радостный день граждан земли Русской, православное духовенство города Астрахани считает священным долгом призвать население начать этот праздник церковной молитвой Господу Богу – устройтелю судьбы народов и помянуть героев-борцов, живот свой положивших за свободы Родины. А для сего имеет совершить сегодня во всех приходских храмах по окончании литургии молебствия с возглашением многолетия Российской державе, правительству и воинству ее и с возношением “вечной памяти” убиенным героям...»<sup>[43]</sup> Епископ Митрофан отказался подписать такое воззвание.

Со 2-го по 10 мая 1917 года в Астрахани прошел чрезвычайный съезд духовенства и мирян, выработавший резолюцию, утвержденную епископом Митрофаном, в которой о положении Церкви в государстве говорилось: «Православная Церковь в свободном Русском государстве должна быть свободной от всякой светской власти в определении своего внутреннего строя, а в отношении к правительственной власти – содействовать всем ее начинаниям на благо и процветание России. Так как православие является вероисповеданием большинства русских граждан... то Православная Церковь должна быть в ряду прочих первой и иметь значение не частноправового, а публично-правового установления, что и должно включить в основные законы государства Российского»<sup>[44]</sup>.

2 сентября 1917 года по ходатайству владыки Митрофана Святейший Синод назначил Преосвященного Леонтия (Вимпфена)<sup>[45]</sup> епископом Енотаевским, викарием Астраханской

епархии, и епископ Митрофан стал именоваться епископом Астраханским и Царевским.

15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви. На Соборе епископ Митрофан возглавил Отдел о Высшем церковном управлении, в обязанности которого входило и рассмотрение вопроса о патриаршестве.

11 октября 1917 года владыка выступил в пользу восстановления в Русской Церкви патриаршества<sup>[46]</sup>. Этот вопрос вызвал ожесточенные споры. Тридцать два члена Собора выразили протест против предложения епископа Митрофана и возглавляемого им Отдела, пытаясь воспрепятствовать и самому обсуждению этого вопроса. 14 октября Собор все же решил обсудить вопрос о восстановлении патриаршества в Русской Церкви; обсуждение вылилось в ожесточенные споры; после того, как против предложения епископа и членов Отдела выступили основные противники, вновь выступил епископ Митрофан. «Основной вопрос, который нужно решить Собору, – сказал он, – быть или не быть Патриарху. Мы говорим об институте, который корнями своими связан с жизненными интересами России... Законен ли Патриарх канонически? Как проявил он себя исторически в России и, может быть, в других православных государствах? Желателен ли он в условиях современной русской действительности? К этому надо сводить дальнейшие наши рассуждения. Это вопрос важный. Это вопрос о переустройстве всего церковного управления, в системе которого Патриарх является главою, с положением первого между равными ему епископами, как ясно указано в 34-м правиле Апостольском. Вот каноническая природа Патриарха. Я хочу вывести этот вопрос из искусственных условий, которые создались здесь, и сказать, о чем нам следует говорить. Нам нужно говорить о восстановлении патриаршества с точек зрения – канонической, исторической и бытовой»<sup>[47]</sup>. «Церковь управляется своими законами и нормами, и церковная жизнь стоит выше всяких форм гражданского быта, – пояснил епископ Митрофан. – Государственный строй может приходить и уходить, а Церковь в основе своей является институтом постоянным, неизблемым в сравнении с преходящими формами. Говорили, что мы хотим повторить известный политический строй – абсолютизм. Не хотим мы повторять политического строя, потому что Церковь выше политического строя. Нас пугает абсолютизм политический, но в нашей Церкви абсолютизма нет, – на Западе есть абсолютизм папский, но он у нас немыслим. Оставить ли у нас коллегиальную форму управления или восстановить патриаршество, в обоих случаях личность, как нравственная самоценность, будет иметь одинаковую возможность для нравственного развития. О форме управления можно говорить только с

точки зрения целесообразности управления. И только с этой точки зрения мы говорим о Патриархе, который лучше спаяет церковный союз. Это не повторение гражданского строя. Смешивать два строя нельзя, и о Патриархе мы должны говорить с точки зрения канонов, истории и церковно-бытового уклада...»<sup>[48]</sup>

25 октября 1917 года власть в стране захватили большевики. 28 октября соборное заседание под председательством митрополита Московского Тихона (Белавина) началось с зачитания митрополитом предложения шестидесяти членов Собора, предлагавших прекратить обсуждение и немедленно приступить к голосованию по вопросу о восстановлении патриаршества. Выступивший вслед за митрополитом священник, делегат от Петроградской епархии, сказал: «Я... должен сказать, что нам наказывали “возвратиться с Патриархом”, говорили, что жизнь повелительно требует этого. И теперь, когда все уже выяснено, ни на минуту нельзя откладывать решения вопроса. События, на наших глазах совершающиеся в первопрестольной столице, и наша беспомощность отозваться на них подтверждают красноречивее всяких слов, что мы не имеем отца, что из Автокефальных Церквей одна наша Церковь обезглавлена. Все возражения против патриаршества сводятся к двум главным: боязни абсолютизма власти, русского папизма и утверждению, будто патриаршество противоречит соборности. Но эти возражения разъяснены уже совершенно.

Итак, события текущей жизни повелительно требуют не медлить с этим вопросом. Больно было читать в печати и слышать здесь грустное повествование о том, как делегация Священного Собора по вопросу о церковно-приходских школах была принята премьер-министром, настоящим или бывшим, теперь уже нельзя сказать, как сухо обошелся он с нею. Не то было бы, если бы это был голос Собора, возглавляемого Патриархом... если бы у нас был ходатай, отец духовный, о нас болеющий, Патриарх, окруженный любовью, за которым мы готовы были бы идти на крест, – было бы не то: голос Церкви повелительно прозвучал бы тогда. Вот и теперь нам необходимо нужно увлекательное властное слово умиротворения. Оно будет иметь силу, когда будет исходить от Собора, возглавляемого Патриархом, который тогда может сказать словами Спасителя: “овцы слушаются Моего голоса и идут за Мной, потому что знают Меня, и никто не похитит их из руки Моей” (Ин.10,27-28).

Итак, мое предложение – прекратить прения и голосовать ту формулу, которая выработана после многих трудов Отделом о Высшем церковном управлении»<sup>[49]</sup>.

В тот же день на Соборе выступил епископ Митрофан. «Ужасы переживаемых Россией событий, несомненно, отразились на настроении

членов Собора, – сказал он. – Учитывая нервность этого настроения, я постараюсь быть весьма кратким в своем заключительном слове... Главное в нашем вопросе – это канонические основания патриаршества. Но я не буду подробно их касаться, так как очевидно, что каноны требуют, чтобы у всякого народа был свой первоиерарх... Первоиерарх требуется 34-м Апостольским правилом; о нем же говорят и последующие каноны, кончая правилами Пято-Шестого Трулльского Собора. На основании этих правил, чести ради нашей Русской Церкви, мы и думаем восстановить патриаршество на Руси... Первоиерархи есть во всех Автокефальных Церквях. Первоиерархи были во Вселенской Церкви во все время ее существования, и мы, восстанавливая патриаршество, в существе дела не совершаем ничего нового... Здесь говорили также, что на Востоке были неудачные Патриархи. Но это возражение неубедительно, ибо в прошлом были и Патриархи, достойные своего звания: до шестидесяти из них причислены к лику святых. Патриархи сохраняли дух православия и жизнь Церкви; они являлись жизненными центрами, вокруг которых совершалось движение церковной жизни. Патриархи вообще в Церкви имели такое значение, что самую церковную историю пишут по Патриархам. То же значение Патриархов мы наблюдаем и в Русской Церкви... Говорят, что из наших суждений о патриаршестве нужно удалить элемент чувства; к чему, указывают, эти слова: “нам нужен отец, молитвенник, печальник, ходатай за наше дело, подвижник”? Но именно вот с этой-то стороны и дорог нам Патриарх! В области религиозной чувство имеет доминирующее значение. Без него не может быть живого религиозного движения души. Нам действительно нужен молитвенник и подвижник, несущий крест страданий за Русскую землю, сильный сказать живое слово, явиться живым олицетворением красоты церковной.

Дело восстановления патриаршества нельзя откладывать: Россия горит, все гибнет. И разве можно теперь долго рассуждать, что нам нужно орудие для собирания, для объединения Руси? Когда идет война, нужен единый вождь, без которого воинство идет вразброд...»<sup>[50]</sup> Собор, наконец, принял решение восстановить патриаршество, и 5 ноября, в день избрания Патриарха, епископу Митрофану поручено было сказать слово в Храме Христа Спасителя. «Никогда, даже в самые страшные моменты своего существования Русь не переживала таких ужасов, какие переживаем мы, – сказал он. – Нельзя словами изобразить всего горя, страдания и позора нашей Родины... Остановилось всякое производство, остановилась торговля, молчат суды, и едва влачит свое существование просвещение народа. Так неужели же наступил паралич всего нашего отечественного организма, еще недавно такого сильного и

могучего? Нет, этого не может и не должно быть! Жизненные силы России, духовные и физические, неиссякаемы: нужно их разбудить и привести в движение.

Известно, что делает врач, когда вдруг неожиданно останавливается работа организма, он прежде всего старается нащупать сердце и его привести в движение, а тогда заработает и весь организм. Сердце русского народа составляет его вера, святое его упование. Жива вера – жив и русский народ, крепко его упование – крепка и несокрушима тогда и Русь. Итак, спросим себя: жива ли у нас теперь вера, крепко ли мы стоим в своем святом уповании или они ослабели, угасли в нас? Тогда понятно, почему и вся жизнь наша начинает замирать! Всякий, кто не потерял духовного чутья и правильного смысла понимания совершающихся событий, должен признать, что с нами случилось именно это духовное обнищание. Мы стали холодны, равнодушны к своей вере, и она уже не воодушевляет нас к тем подвигам, какие по ее внушению совершали наши предки. И вот, с охлаждением в сердцах наших веры помутился наш разум, иссякла любовь, отошла от нас правда – всюду пошли обман, ложь, грабительство и клятвопреступления, наступила великая разруха Русской земли, большая той, какую пережила Русь в памятную годину лихолетия. Но это же естественное сближение двух отдаленных эпох не укажет ли нам и средство врачевания от переживаемых нами зол? Что тогда спасло Россию? – Спасла Троицкая Лавра с ее молитвами и благословением, спасли грамоты Патриарха Еρμοгена, которые воспламенили сердца россиян!

Не отсюда ли родилась и в наши дни мысль о Патриархе, как испытанном средстве духовного оживления русского народа? Кто следил за ходом вопроса о восстановлении в Русской Церкви патриаршества, тот должен признать, что это было именно так. Мысль о Патриархе, никогда не умиравшая у верующих, сама собой ожила под влиянием переживаемых событий, быстро окрепла в сознании народа, стала господствующей и силой внутренней, присущей ей исторической правды сразу покорила сердца верующих людей, со всей России собравшихся в Церковный Собор. Участники Собора с изумлением наблюдали, как прямо чудодейственно выростала мысль о Патриархе и скоро воплотила в себе лучшие чаяния лучших людей. И вот ныне мы присутствуем на самом торжестве чина избрания Всероссийского Патриарха. Какой торжественный и радостный момент в жизни Русской Церкви! Его она ждала больше двухсот лет. Жребии наших избранников лежат у чудотворной Владимирской иконы Божией Матери: еще несколько мгновений – и станет известным имя того, кто будет нашим отцом, молитвенником и печальником земли Русской! В этот момент наступления решения возникшего вопроса всей нашей

церковной жизни естественно нам спросить себя: чего же мы ждем от нашего грядущего Патриарха, чем он должен явиться на Руси? По обстоятельствам переживаемого времени он прежде всего должен собрать воедино все живые верующие силы народа и вдохновить их на подвиг служения тем вековечным заветам, на каких строилась и жила Россия. Среди общего распада и разрухи он должен идти впереди своего стада, воодушевляя его своим примером. О, сколько потребно ему мужества, самоотвержения и любви, чтобы выполнить тот подвиг, на какой зовет его страждущая наша Родина! И, взирая на величие его подвига, невольно сомнение закрадывается в душу: да можно ли одному человеку все сие совершить, по силам ли кому-либо такое тяжкое бремя служения? Говоря по-человечески, трудно и почти невозможно выполнить все это одному человеку, но невозможное от человека, возможно от Бога...»<sup>[51]</sup>

После окончания сессии Всероссийского Церковного Собора епископ Митрофан 8 декабря 1917 года возвратился в Астрахань. «Ни одно богослужение не обходится без назидательной и глубоко сердечной его проповеди, – писал современник владыки в епархиальных ведомостях, – и народ, привыкши всегда слушать его слово назидания, постоянно вспоминал его раньше, когда он отсутствовал из Астрахани, и после его приезда стал еще в большем количестве посещать собор и те храмы, где он совершает богослужения, надеясь из его уст за каждой службой слышать назидание, столь необходимое в настоящее тревожное время»<sup>[52]</sup>.

1918 год начался в Астрахани гражданской войной. Власть в городе захватили большевики, которые обосновались в Астраханском кремле, где располагались кафедральный собор, духовная консистория и покои епископа Митрофана. Белоказаки попытались было взять город штурмом, но потерпели неудачу. Во время боев «особенно тяжелый крест выпал на долю Преосвященного владыки Митрофана, который все время жестокой бойни провел в самом центре обстрела, среди враждебно настроенной толпы рабочих и солдат, наполнявших крепость... Были моменты, когда владыке грозила серьезная опасность, и не от выстрелов и снарядов, а от ненависти и озлобления распропагандированных большевиками...

Под тем предлогом, будто из здания консистории и покоев владыки стреляют, защитники крепости разнесли в пух и прах консисторию, ворвались в квартиру Преосвященного, квартиру... реквизировали, а хозяина вместе с прочими обитателями архиерейского дома все время продержали под домашним арестом»<sup>[53]</sup>. Во время боев загорелись и выгорели все дома вокруг Знаменской церкви, и только сам храм остался чудесным островом внутри бушующего моря огня. Вокруг

Входо-Иерусалимской церкви выгорели все окружающие ее постройки, выгорело все, что находилось в церковном дворе, загорелись наружные рамы самой церкви, но, дойдя до внутренних рам, пожар сам собой прекратился.

11 февраля во всех городских церквях состоялись приходские собрания для обсуждения декрета об отделении Церкви от государства. На следующий день в здании Епархиального женского училища под председательством епископа Митрофана состоялось общее собрание представителей всех приходов. Собрание продолжалось около трех часов, и на нем было «решено в виде протеста против насилий и для испрошения милости Божией страждущей Родине устроить 18 февраля крестный ход»<sup>[54]</sup>.

Через полчаса после окончания собрания в здание училища явились вооруженные красногвардейцы для разгона собрания. 14 февраля в Покровскую церковь во время литургии явились вооруженные красногвардейцы с намерением арестовать епископа. Возмущенные богомольцы встали на защиту своего архипастыря, владыка успокоил собравшихся, и красногвардейцы удалились. 18 февраля состоялся общегородской крестный ход.

«Накануне крестного хода во всех церквях города были совершены торжественные всенощные бдения, на которых воскресная служба была соединена со службою в честь храмовых праздников... Литургия в день крестного хода была одна. Началась она во всех церквях в 8 часов и совершалась соборно. В конце литургии были произнесены соответствующие случаю поучения.

Преосвященный владыка Митрофан совершал литургию вместе с Преосвященным Леонтием в церкви Рождества Богородицы. Здесь богослужение отличалось особым благолепием и торжественностью... Около 11 часов дня во всех церквях, кроме кафедрального собора, слышался торжественный красный трезвон колоколов. К сборному пункту на площадь около церкви Рождества Богородицы из всех церквей вышли отдельные церковные процессии. Впереди несли хоругви. За ними верующие прихожане, меняясь по очереди, несли иконы. За иконами шло приходское духовенство, а за духовенством толпы народа. Когда в полуокружии около церкви Рождества Богородицы собрались все приходские крестные ходы с двумя епископами, то все эти отдельные крестные ходы соединились в один общий и направились по Московской улице к Гостино-Николаевской церкви...

Узкие астраханские улицы были буквально запружены народом. Шествие растянулось на несколько кварталов... впереди конная охрана из солдат местного гарнизона, за охраной двигались стройными рядами верующие с крестами, хоругвями и иконами... Иконы несли почти

исключительно одни женщины, сплошной стеной окружавшие приходские святыни и с терпением ожидавшие своей очереди. Многие из них плакали от умиления. Тут же шли монахини Благовещенского монастыря. Монахини почти все время пели. Пели вместе с ними и несшие иконы женщины и многие из хоругвеносцев. За хоругвями, крестами и иконами шло духовенство в блестящих ризах во главе с Преосвященными – Митрофаном и Леонтием...

За духовенством, шедшим парами, шли толпы народа. За народом снова конная охрана...

Наконец крестный ход снова на площади... Площадь полна. Начался молебен. Голос владыки звучит так громко и отчетливо, что слышно всякое слово. Тишина необыкновенная. Но вот окончился молебен. Владыка, осеняя народ крестом и окропляя святою водой, с подъемом и воодушевлением запел “Да воскреснет Бог”. Духовенство и толпа подхватили – и торжествующие звуки победной песни воскресения широкой волной полились по площади, будя самые черствые сердца...»<sup>[55]</sup>

Перед отъездом епископа Митрофана на сессию Поместного Собора в зале епархиальной библиотеки состоялось под его председательством в присутствии епископа Леонтия собрание делегатов всех приходских советов. Открывая собрание, владыка поблагодарил «представителей приходских советов, а в их лице и самые приходы, за их преданность православно́й вере и Православной Церкви и за все то, что ими сделано в последние тяжелые дни в интересах верующих для блага православия. Эта преданность и эта готовность служить святому делу Христову особенно ценны в настоящее кошмарное время, когда Церковь переживает столько опасностей, гонений и невзгод. Вражда и ненависть к Церкви Христовой и к ее великому служению не новы. Уже целые века идет пропаганда антихристианского и антицерковного учения. Пропаганда эта, то усиливаясь, то ослабевая, в последнее время приняла характер открытого гонения... Невзгоды и страдания заставят нас встрепенуться, вдуматься и взглянуть в себя и в окружающую жизнь, надлежащим образом оценить сокровище православной веры и, объединившись, горячо встать на защиту родной святыни...»<sup>[56]</sup>. Собрание постановило ходатайствовать перед Собором об оставлении назначенного на 11 мая дня прославления и открытия мощей священномученика Иосифа Астраханского. Некоторые ораторы выступили на собрании с предложением образовать в Астраханской епархии Духовный союз православных христиан, с тем чтобы он взял на себя все заботы об изыскании материальных средств. Некоторые выступили против этого, заявив, что это может привести к двоевластию в епархии и забвению за материальными заботами членами союза

христианских целей. Владыка, выслушав выступавших, согласился с тем, что с этим вопросом не следует торопиться, «что его нужно основательно обсудить в комиссии и, если окажется, что от него грозит хоть какая-нибудь опасность чистоте веры и христианской жизни, лучше от него отказаться. Лучше... лишиться храмов и совершать богослужение под открытым небом, чем жертвовать христианской свободой и христианской истиной, добиваясь регистрации союза в комиссариатах»<sup>[57]</sup>, – сказал он.

На долю епископа Митрофана выпала честь прославления священномученика Иосифа, митрополита Астраханского, замученного 11 мая 1671 года, который, по убеждению астраханцев, стал после мученической кончины святым покровителем города и его жителей; с 1911 года стали вестись регулярные записи случаев чудес и благодатной помощи, которые получали люди по молитвам к святителю. В 1913 году епископ Астраханский Никодим (Боков) возбудил ходатайство перед Святейшим Синодом о прославлении святителя Иосифа, на что получил ответ, что случаи чудес, фиксировавшиеся в виде их простой записи, должны иметь документальный характер. С 27 октября 1915 года было рассмотрено пятьдесят дел, из них тридцать два рассмотрены с привлечением свидетелей и опросом их под присягой, в результате тридцать два случая признаны не вызывающими сомнений. «23 октября 1916 года епископ Митрофан отправил ходатайство Святейшему Синоду о прославлении святителя Иосифа»<sup>[58]</sup>.

20 февраля 1917 года Святейший Синод поручил архиепископу Московскому Тихону (Белавину) выехать в Астрахань для освидетельствования честных останков священномученика Иосифа. Впоследствии дело было поручено рассмотрению Собора епископов, который определил «совершить прославление святителя Иосифа, причисленного к лику святых угодников Божиих»<sup>[59]</sup>. В тот же день 6 (19) апреля 1918 года члены Собора воспели величание святителю Иосифу. 30 марта (12 апреля) 1918 года на Соборе горячо обсуждался вопрос об организации внутренней и внешней миссий, вызвавший большое разномыслие, некоторые считали, что лучше вообще отложить обсуждение вопроса. Понимая, к чему клонится дело, выступил епископ Митрофан. «Церковь без миссии не может быть, потому что она без нее будет безжизненна, – сказал он. – Церковь через миссионеров, как передовых своих деятелей, должна приобретать. О них поэтому и должна быть первая забота Церкви. Но она должна заботиться о них не только здесь, но всегда и везде. Миссионерское дело трудное, на это дело требуются отборные силы, наиболее деятельные труженики. Таковыми самоотверженными борцами и были миссионеры, которые прокладывали дорогу делу христианства, будучи нередко лишены

академического или другого руководства и указаний. Миссионерство – дело живое и захватывающее. Кто раз коснулся миссии, тот приобретен Христом. Мы знаем таких миссионеров, которые, несмотря на невзгоды, продолжали делать свое дело. Но для всякой природы есть предел. Глубоко трагичным должно считаться такое положение, когда миссионеру, любящему свое дело и ему преданному, приходится бросить его, когда нужда, семья и окружающие обстоятельства заставляют его сделать это... Епископу не раз приходилось переживать тяжелые минуты, когда приходил какой-либо миссионер и изливал свою душу, указывая, с одной стороны, на свою любовь и преданность делу миссии, а с другой, на тот соблазн, какой представлялся в виде перехода на службу в приход. Изложив доводы за приобретение более обеспеченного положения, он обычно говорил: “Владыко, решите, как мне поступить. Как Вы решите, так я и поступлю”. И вот, истощив все убеждения высшего порядка, мы должны сказать, что семья требует обеспечения, а дети, чтобы их учили. И вот ему со слезами приходится уходить и нам лишаться его... Мы долго сулили миссионерам. Собирались специальные комиссии при Синоде, обсуждался вопрос и на миссионерских съездах. Мы много раз успокаивали их, уговаривали еще подождать, говорили, что вот-вот их положение будет обеспечено, что достоин делатель мзды своя, и они получат, не сейчас, а в самое ближайшее время. И они ждали, так как слишком настаивать для них казалось неудобным, но многие уходили... Если теперь не примем размеров содержания, какие предлагаются Отделом, то мы нанесем непоправимый удар миссии. На Собор их последнее упование: они ждут, что он удовлетворит их желание по обеспечению и оправдает их дело. Миссия всегда подвергалась нападкам и насмешкам. Если здесь не вынесем одобрения, то подведем дело миссии под тучи обвинений. Необходимо закрепить это одобрение не только словами, но и вотумом<sup>[d]</sup> о содержании...»<sup>[60]</sup>

12 (25) апреля 1918 года Святейший Патриарх Тихон и Священный Синод приняли постановление о награждении епископа Митрофана саном архиепископа<sup>[61]</sup>.

19 июля (1 августа) 1918 года по благословению архиепископа Митрофана в Астрахани был совершен общегородской крестный ход, участники которого впоследствии вспоминали о нем как о выдающемся событии в жизни города, соединившем жителей в общей горячей молитве.

После смены государственной власти возник вопрос о присяге – царю и государственной власти вообще. Присягать ли власти в тех условиях, когда Церковь отделена от государства и стоящие во главе государства относятся к ней враждебно. Выступая 20 июля (2 августа) 1918 года на заседании IV Подотдела соборного отдела «О церковной

дисциплине», архиепископ Митрофан сказал: «...К присяге надо относиться с некоторым трепетом, ибо клятва государственная есть высокий религиозный народный акт, при котором весь народ связывает свою совесть. Уже одна мысль о нарушении клятвы ужасна, и если бы Государь не отрекся сам, то все, надлежащим образом относящиеся к присяге, считали бы себя не свободными от присяги. Но Государь сам освободил всех от присяги в силу обнародованного манифеста о своем отречении, чем и разрушил свою связь с народом по отношению к нему, как к Монарху...»<sup>[62]</sup>

Во время работы Поместного Собора, на Украине начались нестроения, касающиеся гражданской и церковной жизни, и перед Собором встал вопрос «об основаниях, при соблюдении которых автономия Украинской Церкви является канонически приемлемой»<sup>[63]</sup>. Одним из содокладчиков по этому сложному вопросу стал архиепископ Митрофан, показавший себя здесь духовно возросшим святителем, мыслящим глубоко церковно, канонически безупречно и исторически широко, сочетавшим в своих предложениях верность канонам со взвешенностью подхода к вопросам, затрагивающим интересы слишком многих людей и могущим сказаться огромными последствиями в будущем.

В сентябре 1918 года в Астрахани по инициативе епископа Леонтия возник Епархиальный союз церквей. Архиепископ Митрофан находил эту организацию параллельной епархиальному управлению и ненужной, созданной не для созидания церковной жизни, а для борьбы с правящим архиереем. Без согласия с ним епископ Леонтий стал устраивать в Иоанно-Предтеченском монастыре, где жил, собрания и заседания, содержание которых большей частью было наполнено агитацией, направленной против архиепископа Митрофана. Защищая Союз церквей, а также жалуясь на то, что в этом деле ему оказывает сопротивление архиепископ Митрофан, епископ Леонтий закончил свою речь на одном из собраний заявлением: «Нам не нужен такой архиерей, каким является архиепископ Митрофан». Епископ Леонтий был вызван в Москву на суд Собора епископов, но он туда не поехал, послав телеграмму, что ему будто бы не разрешен выезд из Астрахани. Собравшийся 9 (22) сентября Собор епископов постановил: «Так как вызываемый дважды на суд Собора епископов не явился и не представил достаточных данных и причин для отказа явиться в Москву... как преслушавший определения Высшей церковной власти и не исполнивший приказания Святейшего Патриарха, – “в наказание за неповиновение он должен быть лишен общения, то есть должен быть отлучен, с запрещением в священнослужении”... впредь до раскаяния, исполнения послушания Собору епископов и Святейшему

Патриарху... Ввиду же ходатайства архиепископа Астраханского Митрофана – ради мира церковного – отсрочить приведение в исполнение приговора над епископом Леонтием и дать возможность... архиепископу Митрофану, вернувшись в Астрахань, лично оказать влияние на Преосвященного Леонтия – склонив его к послушанию, объявив последнему, что определением Собора епископов и Святейшего Патриарха он, епископ Леонтий, немедленно, как викарий Астраханской епархии, устраняется от участия в делах епархиального управления и снова (и уже в последний раз) вызывается в Москву на суд Священного Синода и Святейшего Патриарха, причем предлагается выехать из Астрахани в Москву не позднее как через две недели после вручения ему настоящего определения с предупреждением, что если и на сей раз епископ Леонтий не исполнит распоряжение... то будет заочно... судим по всей строгости церковных законов»<sup>[64]</sup>.

Приехав в Астрахань, архиепископ Митрофан объявил епископу Леонтию решение Собора епископов и Патриарха, но тот снова их проигнорировал, а тем временем в советской прессе началась кампания против архиепископа Митрофана и Патриарха в защиту епископа Леонтия. Гражданская война тогда приблизилась к Астрахани, в которую вошла потрепанная боями XI армия. В Астраханском кремле разместились штаб армии и революционный совет фронта, под который был реквизирован архиерейский дом. Архиепископ пожаловался на это председателю Реввоенсовета Шляпникову, но получил от него категорический отказ; дом был занят имуществом советских учреждений, и архиепископ оказался в нем заблокированным. Комендант кремля Казаков, докладывая Шляпникову о положении дел, в конце доклада сказал: «И чего мы церемонимся с архиереем. Ведь это отъявленный монархист, делец царской Думы. Он устроил громадную демонстрацию в июле под видом крестного хода. Ведь это был смотр контрреволюционных сил, а мы, как дураки, смотрим на это сквозь пальцы. Давно его надо к стенке!»

Узнав об этом разговоре, верующие, и в частности ключарь собора протоиерей Димитрий Стефановский, пробрались в архиерейские покои и стали уговаривать владыку покинуть опасное для его жизни место. Было предложено ночью приставить к южной стене кремля лестницу, чтобы он мог спуститься по ней в Александровский сад. Владыка не согласился и, обращаясь к ключарю, с возмущением сказал: «Это вы мне, архиерею, предлагаете позорный план бегства, будто я какой-то преступник. Легче часового уговорить бросить свой пост, чем русского архиерея, по крайней мере меня. Вы хотите, чтобы я бросил собор, его святыню и стал бы нарушителем присяги? А что скажет моя паства,

узнав, что архиерей бросил все и с позором бежал. Нет, нет! Я этого не сделаю. Уходите и не тревожьте меня!»

В то время, когда происходил этот разговор, келейнику архиепископа было сообщено распоряжение военного командования: выдворить архиерея из кремля силой. Узнав об этом, владыка решил подчиниться. Выйдя из кремля, архиепископ Митрофан направился к ректору семинарии в Спасо-Преображенский монастырь. Но здесь ему пришлось жить недолго: в конце декабря 1918 года семинария и все монастырские помещения были заняты под курсы красных командиров, и владыка поселился в доме духовника Благовещенского монастыря. 6 (19) января 1919 года в Астрахань прибыли известные своей жестокостью советские руководители Киров и Атарбеков. В этот день епископ Леонтий устроил в Астрахани крестный ход, не поставив о нем в известность правящего архиерея, и архиепископ Митрофан вынужден был жаловаться на него Патриарху<sup>[65]</sup>. 10 марта в Астрахани началось восстание рабочих и солдат, которое было беспощадно подавлено большевиками, при этом были расстреляны приходские советы некоторых церквей. Обеспокоенный этими расстрелами, владыка вслух стал задаваться вопросом: «Что же делать? Этак они уничтожат все духовенство. Как же быть?» На Благовещение он совершил литургию в Благовещенском монастыре, сказав в проповеди и о «погибших в результате ненужных и бесполезных действий гражданских властей»<sup>[66]</sup>.

В конце марта на Страстной седмице архиепископа посетила делегация во главе с протоиереем Димитрием Стефановским, они стали единодушно убеждать его покинуть город.

– Владыка, – сказал отец Димитрий, – нам доподлинно известно, что среди военных есть лица, требующие вас «к стенке». Вам нужно немедленно, именно сейчас оставить Астрахань. Мы приготовили вам дощаник... Вас там ждут. Завтра, может быть, уже поздно будет. – Вы предлагаете мне побег, – рассердился владыка, – и это в то самое время, когда у нас на глазах расстреливают невинных наших братьев. Нет, я никуда не уеду от своей паствы; на моей груди крест Спасителя, и он будет укором в моем малодушии. Хочу спросить и вас: почему вы не бежите? Значит, вы дорожите своей честью больше, чем я должен дорожить своим апостольским саном? Знайте, я совершенно чист и ни в чем не виновен перед своей Родиной и народом.

11 мая 1919 года в Знаменском храме состоялось долгожданное прославление священномученика Иосифа, митрополита Астраханского, убитого в 1671 году сподвижниками Степана Разина.

21 мая 1919 года архиепископ Митрофан представил Святейшему Патриарху и Священному Синоду рапорт и объяснения епископа

Леонтия, касающиеся самочинного крестного хода, устроенного им 6 января. Патриарх и Синод приняли решение: «запретить Преосвященного Леонтия, епископа Енотаевского, в священнослужении»<sup>[67]</sup>.

7 июня 1919 года, в канун праздника Святой Троицы, владыка Митрофан служил всенощную в Троицкой церкви, и после всенощной остановился на ночь у настоятеля, намереваясь служить утром в этом же храме литургию. В первом часу ночи вооруженные красноармейцы арестовали его. Владыка сидел в это время в кабинете настоятеля и делал наброски к проповеди. Сохраняя полное спокойствие, архиепископ надел рясу, скуфью, благословил всех растерянно столпившихся у двери людей и последовал вслед за красноармейцами. В эту же ночь был арестован и епископ Леонтий.

Верующие стали искать возможности встретиться с Атарбековым, которого боялись все жители города, – когда он шел по городу, то прохожие прятались в первые попавшиеся подворотни. Председатель церковно-приходского совета кафедрального Успенского собора, выхлопотав пропуск к Атарбекову, встретился с ним в его кабинете в ЧК и рассказал ему о цели своего визита. Тот молча выслушал и, когда староста закончил говорить, спросил, уверены ли верующие в невиновности архиереев и ручаются ли они, что те не будут вмешиваться в политику. Обрадовавшись вопросу, староста с готовностью поручился за архиереев. В ответ Атарбеков велел принести ему письменное ходатайство, и староста ушел от него в полной уверенности в скором освобождении узников. В коридоре ЧК староста увидел архиепископа Митрофана и в двух словах сообщил ему о своем визите к Атарбекову, на что владыка сказал: «Хлопочите, я чист и ни в чем не виновен – вы за меня краснеть не будете...»

В тот же вечер было составлено ходатайство от членов церковноприходского совета кафедрального собора об освобождении архиепископа Митрофана, в котором они, в частности, писали: «По правилам нашей православной веры Церковь не может оставаться без правящего церковного епископа, и долгое непонятное заключение управителя нашей Церкви породит всевозможные кривотолки, а быть может, и крайние нежелательные последствия во всей Астраханской епархии. Потому усиленно просим отпустить из-под ареста архиепископа Митрофана на наши поруки, которого обязуемся представить власти во всякое время для снятия допроса. Если по каким-либо возведенным на него обвинениям он подлежит суду, то мы покорнейше и усиленно просим судить предстоятеля всей Астраханской Православной Церкви воистину народным судом в присутствии членов церковно-приходского совета церквей города Астрахани»<sup>[68]</sup>.

На следующий день староста поспешил к Атарбекову. Тот внимательно прочитал бумагу и спросил, почему ходатайство от собора, а не от союза церквей, на что староста ответил, что соборянам казалось так лучше, но он может принести и другую бумагу. Выслушав старосту, Атарбеков с яростью стал ему выговаривать: «Почему ваш Митрофан не вошел в союз церквей? А теперь ты цепляешься за этот союз и хочешь принести мне бумагу от него! Вот что, друг, бери свою бумагу и уходи и не попадайся мне на глаза. Если еще придешь, то я расстреляю сначала Митрофана, а потом тебя!»

Староста покинул кабинет и бледный вышел на улицу, где его ожидал отец Димитрий Стефановский, который по одному лицу старосты понял, что хлопоты безрезультатны.

Епископа Леонтия допросил Атарбеков. Ни предыдущие, затеянные им епархиальные смуты, ни бессовестная публичная клевета в газетах на архипастырей, ни запрещение в священнослужении и арест и пребывание в тюрьме – ничто не привело его и в эти последние дни его жизни к сознанию своей вины и покаянию; оказавшись в тюрьме, он показал: «Должен сказать, что определенной реакционной личностью, которая активно боролась против советской власти, – известный хорошо и по третьей Думе, был архиепископ Митрофан. Я лично, должен сказать, был пассивен; вина моя заключается в том, что давал возможность проявиться лицам, стоящим определенно против советской власти...

Дополнительно опрошенный, показываю, что мною в газетах было помещено разъяснение декрета об отделении Церкви от государства. И было прочитано народу... Мною также помещено в газетах о праздновании 25 октября; в церкви еженедельно разъяснял начала коммунизма как основы для соединения общественной жизни на началах интернационализма»<sup>[69]</sup>.

В тюрьме епископ Леонтий составил письменную характеристику на архиепископа Митрофана и объяснение своих с ним отношений. «Крупной реакционной личностью, чающей воскресения из мертвых старого режима, – писал он, – является здешний архиепископ Митрофан, бывший член Союза русского народа...

Встретив здесь во мне далеко не своего приятеля и идейного единомышленника, начал борьбу всякими способами, чтобы выжить меня из Астрахани, но при расположении ко мне народной массы – это до сих пор сделать ему не удалось.

Его ненависть ко мне, как к единственному, кажется, епископу земли русской, открыто и гласно выражавшему мое полное сочувствие советской власти, ее декретам касательно Церкви и приходских общин, выразилась наконец в лишении меня права совершать богослужения в

церквях города, кроме моего Ивановского монастыря, и в предании меня за мой большевизм на суд Патриарху, куда я и вызываюсь...»<sup>[70]</sup> В три часа утра 6 июля 1919 года к камере, где содержался архиепископ Митрофан, подошли комендант ЧК Волков и начальник караула. Комендант вошел в камеру и, толкнув ногой спавшего на койке архиепископа, закричал: «Вставай!» Владыка встал, попытался было надеть рясу, но комендант схватил его за воротник и закричал: «Живее выходи, на том свете обойдешься...» И, цепко схватив его за руку, потащил к двери. Оказавшись во дворе, Волков быстро зашагал, влача за собой жертву. Архиепископ был в одном белье, босиком; сделав несколько шагов, он споткнулся и упал. Его подняли и быстро довели до закоулка, где производились расстрелы. Там уже стояли трое красноармейцев с винтовками. Увидев их и поняв, зачем его сюда привели, архиепископ Митрофан благословил их по-архиерейски двумя руками, за что Волков ударил его рукоятью револьвера по правой руке и, сейчас же схватив владыку за бороду, с силой нагнул его голову вниз и выстрелил из револьвера в висок. Архиепископ упал.

Через несколько минут те же люди вывели из камеры епископа Леонтия и один из них крикнул: «Эй, выходи скорее, клади своего приятеля в телегу!» Епископ был в нижнем белье. Доведя его до того же места, его расстреляли.

Архиереи были не единственными убитыми тогда в Астрахани в застенках ЧК, несколько десятков казненных должны были быть погружены на телеги и отвезены к общей могиле. Протоиерей Димитрий Стефановский договорился с одним из возчиков за деньги доставить тела казненных архиереев в условленное место, пообещав ему произвести погребение до наступления рассвета. Около часа ночи возчики вывезли из тюрьмы тела убитых. Около Красного моста одна из повозок остановилась, и с нее сняли тела двух покойников и переложили в телегу.

Могила была уже вырыта около Покрово-Болдинского монастыря. Рубашка архиепископа Митрофана была окровавлена на груди и у рукавов, висок раздроблен, левая часть бороды вырвана, на сгибе правой руки был синяк и кровоподтек. Архиереев одели в чистое белье, владыку Митрофана в священнические одежды; протоиерей Димитрий снял с себя наперсный крест для архиепископа Митрофана и к его цепочке прикрепил железную коробочку с запиской, где излагались обстоятельства их кончины и погребения.

*Игумен Дамаскин (Орловский)*

*«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь».*  
*Тверь. 2008. С. 423-462*

## Примечания

- [a] Преподобный Алексей (Кабалюк), местночтимый святой Украинской Православной Церкви; память 19 ноября/2 декабря.
- [b] Священномученик Димитрий (Павский); память 1/14 августа.
- [c] Священноисповедник Владимир (Хираско); память 11/24 января.
- [d] Вотум (лат. votum – желание, воля) – мнение или постановление, выраженное или принятое большинством голосов.
- [1] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 1 об–2.
- [2] Государственная Дума. Третий созыв, сессия I, заседание 70, 20 V 1908 г., с. 1072. Стенографический отчет.
- [3] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 11.
- [4] Там же. Л. 16 об.
- [5] Там же.
- [6] Могилевские епархиальные ведомости. 1902. № 12–13. С. 173.
- [7] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 25–26.
- [8] Могилевские епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 349.
- [9] Там же. 1907. № 3. С. 81.
- [10] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 26.
- [11] Там же. Л. 26–27.
- [12] Там же. Л. 27.
- [13] Могилевские епархиальные ведомости. 1907. № 4. С. 128–129.
- [14] Там же. 1908. № 8–9. С. 342.
- [15] Государственная дума. Третий созыв, сессия I, заседание 14, 7 XII 1907 г., с. 856. Стенографический отчет.
- [16] Государственная Дума. Третий созыв, сессия I, заседание 30, 19 II 1908 г., с. 2138. Стенографический отчет.
- [17] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 34.
- [18] Могилевские епархиальные ведомости. 1910. № 2. С. 38–39.
- [19] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 35.
- [20] Прибавления к Церковным ведомостям. 1910. № 40. С. 1688–1689.
- [21] Государственная Дума. Третий созыв, сессия V, заседание 85, 6 III 1912 г., с. 175. Стенографический отчет.
- [22] ГАРФ. Ф. 660, оп. 2, д. 456, л. 1.
- [23] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 35–36.
- [24] Минские епархиальные ведомости. 1913. № 3. С. 89.
- [25] РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 598, л. 36.
- [26] Там же. Л. 37.
- [27] Минские епархиальные ведомости. 1913. № 21. С. 566–567.
- [28] Там же. № 24. С. 26–27.
- [29] Минские епархиальные ведомости. 1914. № 2. С. 67–68.
- [30] Там же. № 4. С. 57.
- [31] Там же. С. 66.
- [32] Астраханские епархиальные ведомости. 1916. № 19–20. С. 365.
- [33] Там же. № 24–25. С. 467.
- [34] Там же. С. 468–470.
- [35] Там же. С. 472.
- [36] Там же. № 32–33. С. 628–629.
- [37] Там же. С. 626–627.

- [38] Там же. 1917. № 5. С. 134.
- [39] РГИА. Ф. 796, оп. 445, д. 6, л. 4.
- [40] Там же. Л. 5–6.
- [41] Цит. по: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. Составитель М.А. Бабкин. М., 2006. С. 289.
- [42] Там же. С. 73–74.
- [43] Там же. С. 357.
- [44] Там же. С. 168–169.
- [45] Епископ Леонтий (в миру Владимир Николаевич барон фон Вимпфен) происходил из дворян Пензенской губернии. «По матери внук Московского губернского предводителя дворянства П.П. Воейкова, по отцу сын барона Вимпфена, германского подданного» // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 2. С. 65. В 1896 году он окончил пензенскую гимназию и поступил в Казанскую Духовную академию. В 1897 году был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, в 1898–м – во иеромонаха // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 30. С. 1–2. В 1899 году иеромонах Леонтий принял русское подданство. В 1914 году он был хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, в 1915–м – назначен епископом Эриванским, викарием Грузинского экзархата, в 1916–м – епископом Кустанайским, викарием Оренбургской епархии и в том же году – епископом Петровским, викарием Саратовской епархии // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 2. С. 66.
- Все его пребывания в разных епархиях в качестве викария сопровождались скандалами с правящими архиереями. Однако поступки, которые для другого кончились бы запретом в священнослужении, для епископа Леонтия заканчивались переводом на другую викарную кафедру, что, по мнению ревизовавших епархии посланников Синода, могло быть лишь при покровительстве ему его дяди, дворцового коменданта Воейкова.
- «Прибыв в Саратов, епископ Леонтий начал свою деятельность здесь рядом жалоб Преосвященному Палладию на свое бедственное положение в Спасо-Преображенском монастыре – месте пребывания второго викария. В этих жалобах он указывал на “трагическое положение” обители. “Ни кормиться, ни отопляться, ни содержаться нечем – монастырь в разорении... в монастырской кассе в буквальном смысле нет ни гроша денег, и не предвидится никаких поступлений”» // РГИА. Ф. 796, оп. 262, д. 268 б, л. II об.
- Намереваясь помочь бедствующему архиерею, епископ Палладий провел в монастыре ревизию, которая установила, что монастырь, хотя и не самый богатый, но вполне достаточный по своему материальному положению. А позже выяснилось, что разоряет его и приводит в бедственное положение сам поселившийся там со своей свитой викарный архиерей, на которого вскоре стали поступать жалобы от братии обители. «...Уже исчерпано наше терпение, – писали они, – мы не можем переносить тех тяжких оскорблений, каковые наносят нам названные пришлецы – архиерейская прислуга; они против нас мальчишки. им по 16 лет, а нам по 40 и 50 лет, и они хотят всецело нами управлять, пользуются широкими покровительствами со стороны настоятеля, а также и певчие, свободные граждане, своим неприличным поведением в братском корпусе, где они и проживают, курят, сквернословят, дебоширствуют и этим нарушают и последнее ночное спокойствие там живущим братьям монастыря. Мы трудимся уже по 10 и 15 лет для блага обители, и все наши труды и монастырские средства уходят на содержание каких-нибудь частных лиц, вредных для монастыря и для братии...» // РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 93.
- После Февральской революции епископ Леонтий повел агитацию против епископа

Палладия в светском обществе, среди духовенства и в прессе. 7 марта 1917 года он единолично составил воззвание к народу и армии России, на что не имел права по своему церковному положению, не будучи главой Поместной Церкви. «В третий год великой мировой войны народов, – писал он, – Господу Богу угодно было посетить Отечество наше великим событием обновления государственного строя и образования нового правительства, по почину Государственной Думы возникшего, облеченного доверием наших избранников, ведущего нас к победоносному завершению великой войны и к светлому будущему нашей великой Родины...» // РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 232.

На 8 марта в саратовском кафедральном соборе был назначен молебен, на котором должно было прозвучать слово правящего архиерея, касающееся положения в стране. На молебен письмом был приглашен и епископ Леонтий, который на это приглашение ответил: «Вследствие простуды приехать не могу» [РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 90 об.], а в газете «Саратовский листок» епископом Леонтием было опубликовано письмо под заглавием «Епископ Палладий и “распутинский строй”», подписанное им 10 марта и фактически обозначавшее разрыв молитвенных отношений викария с правящим архиереем.

«Вследствие могущих быть перетолкований факта моего отсутствия в кафедральном соборе за молебном 8 марта, – писал он в этом письме, – считаю долгом заявить во всеобщее сведение, что главной и основной причиной моего отсутствия было решительное мое нежелание лицемерить пред престолом Божиим и народом, совершая моление об обновленном строе свободной, дорогой Родины совместно с правящим епископом Палладием, приверженцем распутинского строя. Это позорное общение с Григорием Распутиным не позволило мне и раньше, со дня прибытия моего в Саратов, приступать с епископом Палладием к совершению совместного церковного богослужения» // РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 89 а. С этого времени епископ Леонтий во время богослужений перестал помянуть имя правящего архиерея, помяная лишь свое имя и почему-то имя митрополита Киевского Владимира (Богоявленского).

При этом епископ Леонтий, посещая своего епархиального архиерея епископа Палладия, вел с ним отношения как ни в чем не бывало, к великому соблазну всех. Одновременно он продолжал жаловаться обер-прокурору Святейшего Синода В.Н. Львову на свое «бедственное» положение. «Буквально нечем ни отапливаться, ни кормиться, ни содержаться, – писал он, – нет выезда, лошадей, даже нет бани, а до города

восемь

верст.

Доклады были сделаны мною своевременно и подробно епископу Палладию: я просил заимообразной ссуды, но получил во всем отказ. Положение становится с каждым днем все более и более трагическое. За это время существуем, отапливаемся и кормимся с братией в сорок человек на пожертвования и на деньги... оставшиеся после умершего иеромонаха. Источник этот близится к концу, и никаких поступлений не предвидится. Вскоре после Пасхи содержаться будет уже совсем нечем, и поэтому умоляю Вас, глубокопочитаемый Владимир Николаевич, оказать Ваше влиятельное содействие к переводу меня и избавления меня от тяжелых условий, в которых никакая работа невозможна...» // РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 181.

Интригуя в Саратове, он одновременно интриговал и в Оренбурге, где был когда-то викарием, отправив светским своим покровителям телеграмму, чтобы они просили Синод направить его правящим архиереем в Оренбург, убрав оттуда епископа Мефодия (Красноперова). Следующему обер-прокурору Синода, Карташеву, он написал: «Еще очень прошу Вас, не откажите обратить Ваше внимание на то, что из Оренбурга, как мне

известно, поступили от горожан и наказного атамана на имя обер-прокурора просьбы о назначении меня в Оренбург. Я был бы очень счастлив быть туда назначенным, так как я пришелся там по душе пастве и я их полюбил, но, конечно, это возможно не иначе, как по перемещении оттуда епископа Мефодия. Этот святитель человек добрый, но совершенно безвольный... А паства все время не прекращает со мной общения и чаует моего возвращения, и я со своей стороны чаю, что Господь посрамит интриганов и утешит меня и близкую моей душе паству общей радостью моего назначения в Оренбург с переводом оттуда епископа Мефодия» // РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 229–230. Все это было настолько возмутительно, что епископ Мефодий, вынужден был направить обер-прокурору телеграмму, а затем 17 марта 1917 года отдельное письмо. «Моя телеграмма была вызвана, – писал он, – напечатанной в газете “Оренбургская жизнь” от 11 марта сего года телеграммой епископа Леонтия в Оренбургскую городскую управу следующего содержания: “Всею душой стремясь к дорогой моему сердцу пастве в переживаемые ныне исторические минуты обновления строя Церкви и государственной жизни, надеюсь, что Городская Дума, ввиду освобождения ныне многих кафедр, не откажет возбудить пред новым обер-прокурором Синода ходатайство о моем назначении”. Телеграмма сама о себе говорит ясно, а потому я не стану входить в рассуждение, насколько допустимо церковными канонами такое деяние епископа Леонтия (Апостольское правило 30). Телеграмма епископа Леонтия является продолжением его недостойной агитации против меня, начатой, когда он был еще в Оренбурге и имеющей целью удаление меня из Оренбурга и занятие самим епископом Леонтием Оренбургской кафедры. Для выяснения дела я прошу Ваше Высокопревосходительство ознакомиться с двумя моими докладами Святейшему Синоду... Из этих докладов с достаточной ясностью видна вся непристойность поведения епископа Леонтия, не останавливающегося перед ложью и извращением фактов, чтобы только достигнуть своей цели... Если бы действительно состоялся мой перевод куда-нибудь из Оренбурга, то епископ Леонтий уже по одному тому не может быть в Оренбурге, что он поставил себя в слишком короткие отношения к молодым послушницам Оренбургского женского монастыря, и нет ничего невероятного, что эти короткие отношения могут иметь соблазнительный исход. К вышесказанному имею присовокупить, что епископ Леонтий при своем прибытии в Оренбург постарался произвести импонирующее впечатление на губернатора... вице-губернатора... и представителей помещичьего сословия своим близким родством с дворцовым комендантом Воейковым, чем сразу завоевал себе внимание местного высшего общества... Нельзя также не обратить внимания еще и на то, что епископ Леонтий, завинив епископа Дионисия, получившего уже указ о своем перемещении в Оренбургскую епархию вместо епископа Леонтия, в том, что последний не постеснялся приехать якобы на живое место, сам еще менее стесняется из викариев проситься действительно на живое место епархиального архиерея, пустив в ход для достижения своей цели такие способы и средства, которыми погнушался бы всякий сколько-нибудь порядочный человек» // РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 277–278. 5 мая 1917 года Синод принял решение: уволить викария Саратовской епархии епископа Леонтия на покой «с назначением ему местопребывания в Покрово-Болдинском монастыре Астраханской епархии» // РГИА. Ф. 796, оп. 202, д. 268 б, л. 308. Оказавшись за штатом, епископ Леонтий стал писать в Святейший Синод, описывая свое положение в монастыре как невыносимо тяжелое и что «для архиерея, уволенного на покой, нет ни средств для содержания, ни помещения, и что даже служить епископу там возможности нет за крайним недостатком братии» [РГИА. Ф. 796, оп. 204, 1 отд., 5 ст., д. 348, л. 3.] , прося и епископа Митрофана ходатайствовать перед Святейшим Синодом о

назначении его «на активную деятельность, т.к. никакого преступления за собой не знаю за все время моего служения», – писал он. // РГИА. Ф. 796, оп. 204, 1 отд., 5 ст., д. 348, л. 3 об. Поверив епископу Леонтию, епископ Митрофан 21 августа 1917 года написал в Святейший Синод: «Для Преосвященного Леонтия настоятель приготовил непригодную и довольно убогую келью. Дать ему отдельный стол монастырь не может, ибо средства его напряжены до крайности... Не может монастырь и составить какую-либо обстановку для архиерейского служения. Жить же за городом в тесной келье, без службы и занятий ужасно, и в особенности такому цветущему здоровьем, способному и рвущемуся к работе человеку, каким представляется Преосвященный Леонтий... покорнейше просил бы Святейший Синод... определить епископа Леонтия, в котором, надеюсь, после понесенных им испытаний найти доброго сотрудника, в особенности необходимого мне теперь, когда до конца Собора я лишен возможности непосредственного руководства делами епархии»//РГИА. Ф. 796, оп. 204, 1 отд., 5 ст., д.348, л. 1-2.

2 сентября 1917 года состоялось заседание Святейшего Синода, принявшего решение: «назначить епископом Енотаевским, викарием Астраханской епархии епископа Леонтия» // РГИА. Ф. 796, оп. 204, 1 отд., 5 ст., д. 348, л. 8. [46] «Председатель предлагает докладчику Отдела о высшем церковном управлении епископу Астраханскому Митрофану приступить к докладу. Докладчик: Господи, благослови. Святители, отцы и братья. Патриаршество – явление на Руси не новое. Оно стало известно русскому народу со дня принятия им христианства. С принятием веры из Византии, из Константинополя, Русская Церковь стала в ведении и юрисдикции Константинопольского Патриарха. Таким образом имя и служение Патриарха было хорошо известно в Русской Церкви. Видными свидетелями такого отношения Русской Церкви к Константинопольскому Патриарху служили поставления митрополитов Киевского, а потом и Московского, которые за своим поставлением ездили в отдаленный Константинополь к Патриарху. Знакома Русь с Патриархом и по тем посланиям к русскому народу, которые нередко посылались Константинопольскими Патриархами, и сами Константинопольские Патриархи иногда появлялись на Русской земле. И такое их появление вызывало всегда громаднейшее оживление в церковной жизни. К решению их обращались и отдельные лица, и общества, и братства, и учреждения. В особенности благодетельно было такое появление Патриархов в Западной Руси, где собственная историческая и церковная жизнь сложились крайне неблагоприятно, где чувствовалось тогда влияние западного католицизма, где начиналось брожение и расслоение русского общества. Патриархи своим появлением укрепляли православных, собравшихся в братства, благословляли их на борьбу и подкрепляли во время борьбы за православие и русскую национальность, на борьбу с начинавшимся католическим полонизмом. Несколько иначе сказалось значение Патриархов в Руси Московской. С тех пор, как жизнь Русской Церкви с нашествием татар отлила с берегов Днепра из Киева во Владимир, а потом в Москву, положение Русского государства изменяется. Москва стала крепнуть, и всякий знает, какое значение принимали в этом Московские митрополиты, как ими держались князья, как они увещевали непокорных, укрепляли силу и мощь русского народа, что необходимо было в борьбе не на жизнь, а на смерть за целостность Русского государства с татарами, еще сильными и мощными. В это время значение русских митрополитов увеличилось, и в связи с этим в сознании русского народа стало затемняться имя Патриарха Константинопольского. Правда, митрополиты Московские еще ездили в Константинополь за поставлением, но, кажется, только этим и ограничивалось отношение Константинопольского Патриарха к русским митрополитам. Русская Церковь видимо вырастала, укреплялась и получала все большую и большую силу внутренней мощи и значимости. Уже митрополиты эпохи татарского владычества,

начиная с Петра, имели авторитет и значение в Русской Церкви почти самостоятельное, независимое, автокефальное. Епископы обнаруживали к ним не только почтение, но и сыновние отношения. Летописец говорит не раз, что митрополиты низлагали епископов, если признавали их служение непристойным. В исповедании епископа ему ставилось в обязанность, чтобы он по первому зову являлся к митрополиту. И князь не мог оставить епископа, если он являлся послушником своего митрополита. Митрополит Алексей в XIV веке говорил, что он пастух и учитель всего русского народа, что епископы и их паства находятся в его подчинении и воле. Вы видите, как органически выростала независимая Русская Церковь, – и так она проявлялась в то время, когда юрисдикция Константинопольского Патриарха над Русскою Церковью еще сохранялась, но с митрополита Ионы и эта зависимость прекратилась. Он был поставлен митрополитом Собором русских епископов. С этого времени митрополиты перестали ездить в Константинополь для поставления, и управление Русскою Церковью стало вполне самостоятельным. Но, ставши независимой, древняя Русская Православная Церковь этим не удовлетворилась. Она чувствовала, что по внешней мощи она выросла больше Византии, которая подпала под власть мусульман. Мысль о создании патриаршества как о полноте церковного устройства являлась сама собой и поддерживалась ростом церковного сознания. О Патриархе мечтал Иоанн Грозный, по крайней мере в дни юности, но, конечно, потом, когда проявились в нем грубые инстинкты, он не захотел бы Патриарха, потому что мог увидеть в нем второго Филиппа. При преемнике Иоанна Грозного мечта о Патриархе росла и расширялась. Благочестивый Феодор Иоаннович поставил себе целью довести Русскую Церковь до этого полного устройства. Он начал переговоры с Восточными Патриархами, и понятно, что Константинопольский Патриарх отнесся к такому заявлению не сочувственно. Стали искать сочувствия у других Патриархов и нашли его. И вот Иов является первым Патриархом Всероссийским. Это событие совершилось в 1589 году. И событие это было отпраздновано на Руси торжественно: целую неделю молились и торжествовали в Москве и по всей Русской земле. Итак, со времени Иова Русская Церковь достигла полноты своего устройства. Не только номинально Русская Церковь стала самостоятельной, но и стала равной Восточным патриаршествам. И как бы мы ни смотрели на это событие, если будем следить за ходом исторических событий, должно сказать, что учреждение патриаршества было актом естественным, вытекающим из всего строя русской церковной жизни. Это был акт строго религиозно-церковный, хотя нельзя отрицать тут и некоторых импульсов политических. Учреждением патриаршества достигалась и полнота церковного устройства и полнота государственного устройства, о чем мечтали и любили говорить. Москва стала третьим Римом. Патриаршество просуществовало недолго. В 1700 году умер последний Патриарх Адриан. За столь короткий период существования патриаршество у нас, несомненно, не успело еще сложиться в определенную систему патриаршего управления. Были лица, были имена, иногда более сильные, иногда менее сильные, но не было системы патриаршего управления. Патриаршество не успело использовать внутренних церковных сил и возможностей, которые оно могло проявить. И в этом отношении, возможно, оказали на него влияние внутренние политические смуты, которые вторгались в область церковного управления, мешали Патриарху сосредоточиться исключительно на делах церковных, повелительно звали откликнуться на события общественные и государственные, где Патриарх должен был выступать в качестве вдохновителя. Это сильно тормозило развитие патриаршества. Итак, признавая влияние политических мотивов, мы должны сказать, что это влияние было отрицательное и оно помешало сложиться патриаршеству в ту стройную систему, в которую оно вылилось бы уже в то время. К сожалению, дальнейшего

развития патриаршество не получило. Оно было насильственно прекращено со смертью Патриарха Адриана. В уме Петра тогда же сложилась мысль об уничтожении патриаршества, и он сказал Мусину-Пушкину: Патриарху на Руси не бывать. Но и грозный и мощный преобразователь не сразу мог окончательно решить вопрос о Патриархе. Потребовалось 20 лет подготовительных работ, прежде чем Петр учредил Святейший Синод. Долго шили одежду для нового Патриарха-Синода; Петр не раз напоминал Феофану Прокоповичу, скоро ли сошьют одежду новому Патриарху, “а у меня, – говорил он, – готова для него и шапка”. И вот в этой новой одежде выступил новый орган с правами Патриарха. В России не стало Первоиерарха, о котором говорят и каноны, и история. И, конечно, мы были вполне безответны, когда из рядов старообрядцев и с Запада нам говорили, что Русская Церковь безглавна, акефальна. Мы не могли сказать, что это неправда, потому что основной канон о первом епископе не был выполнен. Нас упрекали в том, что мы не имеем канонического строя. Первоиерарха у нас не было. Чем же являлся на русской почве Синод, заменивший собою Патриарха? Это ясно из краткого обзора предшествующих событий церковной жизни русского народа. Синод является учреждением чуждым для нас, он не имеет твердой почвы в Русской земле. Он, несомненно, создан в параллель учреждениям светского характера, которые строились по образцу коллегий. И он является коллегией, как справедливо назвал его Феофан Прокопович. Не будем излагать подробно событий синодального периода, как не касались мы и событий патриаршего периода. Об этом предмете много говорилось. Конечно, и в этот период были светлые имена и события достохвальные. Но на основании отдельных проявлений нельзя говорить о целом строе и учреждении. А этим строем не давалось простору проявиться подвигу иерархии, как тогда, когда во главе стоял живой представитель. Подвига и дерзновения не хватало Святейшему Синоду. И удивляться тут нечему. Таково свойство коллегии. Она является чем-то сухим, безжизненным, безответственным. Идея личной ответственности растворялась между многими. Безответственность и отсутствие дерзновения и подвига в важнейшие моменты наглядно указывают на неполноту и нежизненность синодального устройства. Синод оставался чуждым русскому сердцу, он не затрагивал внутренних, глубоких струн души, которые затрагивались при живом представителе. Посему мысль о патриаршестве оставалась в сознании русского народа. Она жила как золотая мечта. Вспоминались лица, стоявшие во главе церковной жизни – Иона, Филипп, Патриарх Гермоген. И неудивительно, что во все опасные моменты русской жизни, когда кормило церковное начинало накреняться, мысль о Патриархе воскресала с особою силою. Припомним 1905–1906 года. То было время разрухи и расслоения русской жизни. Разруха коснулась и церковной жизни. Заговорили, что в церковной жизни много недочетов. Не только церковные люди, но и мирские люди, общества и печать настойчиво проводили мысль о Патриархе, считая его необходимым для обновления русской церковной жизни. Неудивительно, конечно, что и в настоящее время разрухи мысль о патриаршестве возникла сама собой. Припомните это недавнее время государственного переворота, и как реагировала на него Церковь, и в каком положении она оказалась. Я не могу с подробностью останавливаться на этом событии, потому что я лицо, подчиненное Святейшему Синоду. Не раз и в Государственной Думе я выступал на защиту Синода. И мы, и другие на месте нынешних членов Синода едва ли бы сделали больше при тех крайне тяжелых трагических обстоятельствах, какие нам приходится переживать. Не о них речь – а о сравнительных достоинствах той или иной формы церковного управления. Думаю, что если бы во главе Церкви была живая личность, был бы и подвиг, и дерзновение. Патриарх выступил бы с посланием, с воззванием. Воззвания Синода были бездушны, они не захватывали жизненного церковного нерва

и прошли незаметными, скользя лишь по поверхности русской церковной жизни. Мы видели, как внутри Церкви бушевали разрушительные силы, как они коверкали и уродовали русскую церковную жизнь. Видели и попытки Синода и отдельных членов Синода противостоять этим разрушительным силам. Но чаще случалось, что последние возобладали, и Синод шел следом за ними и иногда, пытаясь ввести в русло церковную жизнь, своими разноречивыми постановлениями вносил еще более разрухи. Удастся ли Церковному Собору остановить эту разруху и ввести церковную жизнь в правильное русло? И, с тревогою взирая на прошлое и не особенно питая надежду на будущее, русский народ пришел к убеждению, что коллегия его не спасет, ввиду ее безжизненности и безответственности, отсутствия подвига и дерзновения. Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ желает видеть во главе жизни церковной живую личность, которая собрала бы живые народные силы. И голос такой личности, несомненно, найдет живой отклик в сердце народном. А как нам нужен этот голос, этот призыв к покаянию, исправлению и обновлению! Итак, вот те побуждения, которые привели Отдел к мысли о восстановлении в Русской Церкви патриаршества. Нам нужен Патриарх как духовный вождь и руководитель, который вдохновлял бы сердце русского народа, призывал бы к исправлению жизни и к подвигу и сам первый шел бы впереди. Без вождя нигде не бывает – и в церковной жизни также. Наши духовные силы в разброде и расслоении. Но есть еще опасность, и большая, с другой стороны. Мы боимся за самую целостность всего тела Русской Церкви. То, что случилось в Грузии – разделение целого прежде организма, разве это не болезненное явление? Не начало ли это центробежного духовного стремления и раздробления? Мы предчувствуем, что такие возможности таятся не в одной Грузии, а и в других окраинных областях. Не забудем и того, что громадная исконная русская территория занята врагом. Будет ли она возвращена, мы не знаем. Чем кончится развал страны, который начался? Может быть, не одна окраина будет утеряна. Верим, что проснется русский богатырь, сбросит с себя тупость, равнодушие и слабость и отторженное возвратит, как не раз возвращал, но в этом процессе укрепления русской мощи разве не будет иметь значения живой Первоиерарх? Не скажет ли он мощного слова, какое сказал Петр, Алексей, Иона и другие собиратели Русской земли? Пусть Грузия и другие окраины будут стремиться к отпадению, но при Патриархе так легко это не могло совершиться, так как он заявил бы протест против разделения в Церкви. Чтобы взять область у Патриарха, для этого необходимо войти в сношение с Восточными Патриархами. А они крепко охраняют границы своих областей, и даже такая страна, выросшая политически, как Болгария, долго держалась под юрисдикцией Патриарха. И если бы разъединение все же совершилось, Патриарх явится новым духовным цементом, который будет подготавливать единство. К нему будут обращаться те, которые отторглись от единства церковной жизни. И его слово найдет отклик в сердцах. Вот новое побуждение к восстановлению патриаршества в настоящее время. И, может быть, два мотива: отсутствие подвига и тяжелые испытания для русской церковной и государственной жизни – были ближайшими стимулами, которые именно поставили на очередь восстановление патриаршества. Я не буду говорить подробно о тех основаниях и побуждениях, которые привели Отдел к мысли о восстановлении патриаршества. Каноническая сторона (34 ст. пр. и 9 Ант.) повелительно указывают, что в каждом народе должен быть первый епископ и без его рассуждения епископы не могут ничего творить, как и он без рассуждения всех. Это основа церковно-канонического строя, и когда после более чем 250-летнего перерыва снова собрался Церковный Собор на Руси, то о чем же прежде всего было говорить, как не о Патриархе, чтобы придать каноническую полноту Русской Церкви? Иначе у нас не будет почвы, ибо мы блюстители и хранители церковных канонов. Мысль о восстановлении патриаршества является одною из основных работ нашего Собора.

Целых семь заседаний в течение месяца наш Отдел обсуждал вопрос о церковном устройстве и в связи с этим о патриаршестве. О чем бы мы ни говорили, наша мысль неизменно возвращалась к вопросу о патриаршестве, и пока не будет разрешен этот вопрос, наша дальнейшая работа будет немыслима. Это потому, что Первоиерарх слишком тесно спаян со всею церковною жизнью. И вот Отдел выработал ту формулу о восстановлении патриаршества...

В нашей формуле выдвинут вопрос о Патриархе. Нам нужен Патриарх как церковно-молитвенный предстоятель Русской Церкви – представитель подвига и дерзновения и как стоятель за Русскую Церковь. Все остальное не имеет важного значения. В Отделе говорили, что мы боимся властного Патриарха, но это напрасно. Старое не воскресает. То были нравы, то были люди. Чтобы восстановление патриаршества не пугало, мы вносим корректив. Патриарх является только первым между равными ему епископами. Это ставит веху – границу единоличной власти Патриарха. Это положение совершенно определенное. Оно ставит рубикон для единоличной власти Патриарха. Патриарх не поглотит церковной власти. Высшая церковная власть принадлежит Собору, ему принадлежит законодательная, судебная и контролирующая власть. Патриарх является при Соборе, он будет поставлен Собором и будет выразителем настроений Собора. К вам на Собор он придет, чтобы получить указание, чтобы проверить свою работу. Вместе с другими органами церковного управления он будет подотчетен Собору. Разве этим недостаточно определяются границы патриаршей власти? Да наконец, когда будет обсуждаться вопрос о правах и обязанностях Патриарха, от вас зависит указать и те маленькие права, которые предполагалось предоставить ему в Отделе. Но дайте нам отца, дайте молитвенника и подвижника. Что касается прав и обязанностей Патриарха, с ними можно ознакомиться по работам Предсоборного присутствия. Как Первоиерарх, он освящает мир, обращается с воззванием к русскому народу, посещает епархии, молится там и сносится с другими Патриархами.

Раньше предполагалось предоставить ему личный доклад Государю, этого теперь нет. Затем он может явиться третейским судьей между нами – епископами, с согласия, конечно, епископов. Вот и весь круг его прав. О чем же спорить? Для работ Отдела необходимо решить общий вопрос, прежде чем решать частные вопросы, где будет Патриарх, как его избирать и т.д. Если хотите, чтобы работа нашего Отдела развивалась планомерно, разрешите вопрос, будет ли у нас Патриарх или нет. Сообразно с этим и будет разработан в Отделе вопрос о Высшем церковном управлении. Я бы просил не ставить форму выше существа. Сначала решите вопрос по существу: нужен ли нам Патриарх. Уклониться от разрешения вопроса по существу нельзя. Это будет погребение по первому разряду...» // РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 1, л. 240–245, 249–250.

[47] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1994. С. 266–267.

РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 1, л. 278–279.  
[48] Там же. Л. 284. Об–285.

[49] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1994. С. 2–3.

[50] Там же. С. 4–6.

[51] Там же. С. 115–116.

[52] Астраханские епархиальные ведомости. 1918. № 1. С. 22.

[53] Там же. № 2–3. С. 74–75.

[54] Там же. С. 75.

[55] Там же. № 4–5. С. 109–111.

[56] Там же. № 6–7. С. 140–141.

[57] Там же. С. 145–146.

- [58] РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 15, л. 261.
- [59] Там же. Л. 263.
- [60] Там же. Д. 13, л. 276–278.
- [61] Там же. Ф. 831, д. 5, л. 58.
- [62] Цит. по: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. Составитель М.А. Бабкин. М., 2006. С. 398.
- [63] РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 25, л. 161.
- [64] Там же. Ф. 831, д. 7, л. 32.
- [65] Там же. Д. 10, л. 65.
- [66] Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. СПб., 1994. С. 391.
- [67] РГИА. Ф. 831, д. 12, л. 167 об.
- [68] УФСБ России по Астраханской обл. Д. 5993–0, л. 50.
- [69] Там же. Л. 18.
- [70] Там же. Л. 83.